Соц...
Прев 3

ВОЛЬНЫЙ АТАМАНЪ

СТЕПАНЪ ТИМОФЕЕВИЧЪ РАЗИНЪ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Изба Стеньки Разина въ городѣ Черкаскѣ. РАЗИНЪ сидитъ на скамьѣ и разсматриваетъ свою изношенную шапку.

Разинъ — бросаетъ шапку. — Тоска безъ дѣла! Скучно безъ работы! Сиди себѣ, какъ баба на печи, да мухъ лови, коль придетъ охота. Не въ моготу мнѣ этакая жизнь! Легко сказать: ужъ скоро минетъ годъ, какъ мы на Донъ вернулись изъ похода; и съ той поры ни разу не пришлось потѣшиться на волѣ съ острой саблей да вѣрною нагайкою въ рукахъ. Снимаетъ со стѣны саблю. Эхъ, сабля, сабля! Вонъ ужъ по тебѣ и ржавчина мѣстами завелася!... Задумывается. Не въ добрый часъ досталася ты мнѣ, въ тотъ грозный часъ, когда Москвы бояринъ*) Ивана брата осудилъ на смерть — и,

*) Князь Ю, Долгорукій, повѣсившій въ 1665 г., во время похода на поляковъ, атамана однаго изъ казачьихъ отрядовъ Разина, старшаго брата Стеньки.

какъ собаку казака повѣсилъ. За что? За то, что онъ съ своей станицей ушелъ изъ войска на родимый Донъ. Эхъ братъ Иванъ! не думалъ ты, сердечный, что вмѣсто честной смерти на конѣ, въ лихомъ бою, въ кровавой, жаркой сѣчѣ, тебя собачья ожидала смерть! Насъ было мало, и спасти тебя мы не могли отъ ихъ позорной казни. Но будь покоенъ: за одну твою, я сотни ихъ головъ не пожалѣю; я долго жду и отомстить съумѣю, когда придетъ часъ мести роковой!... Лишь удалось бы провести Корнилу, удрать къ татарамъ, да казны набрать, а послѣ, и къ боярамъ грознымъ въ гости: поминки править, брата поминать!

Входитъ атаманъ КОРНИЛО ЯКОВЛЕВЪ.

Разинъ.—Здорово, батька!

Корнило.—Будь здоровъ и ты!

Разинъ.—Спасибо на́ словѣ. Ну, что твоя хвороба?

Корнило.—Благодаренье Богу. Третій день, проклятая отстала и не мучитъ. А ты, Степанъ, опять связался съ голью?... И до меня дошла на дняхъ молва, что ты тайкомъ сзываешь голытьбу, идти съ тобой къ татарамъ на поживу.

Разинъ.—Не вѣрь молвѣ.

Корниловъ.—Повѣрить ей легко, когда она объ этомъ рѣчь заводитъ.

Разинъ. — А завела, такъ значитъ есть нужда. Коли у нашихъ зачесались руки, такъ ихъ не остановишь никогда! Да и худого въ этомъ я не вижу: нешто́ впервые вольнымъ казака́мъ на Черномъ морѣ тѣшиться съ ордою, и возвращаться съ барышомъ на-

задъ?—Знакомый путь! Припомни, атаманъ, вѣдь ты и самъ неразъ въ былое время, казну татаръ съ собою привозилъ и всласть гулялъ; да и отъ злой неволи освобождалъ товарищей своихъ.

Корнило.—Теперь нельзя! Теперь, ты знаешь самъ, у насъ съ татарами большое замиренье. И крестъ мы цѣловали, и клялись ненарушимо миръ блюсти со всѣми.

Разинъ.—Какая клятва! Что ты говоришь! Да съ басурманиномъ и клятвы быть не можетъ. Такая клятва хороша, доколѣ она для насъ полезна и нужна. Ну, пожили въ миру, да и довольно, приспѣло время — надо воевать. Взгляни на голытьбу, вѣдь хуже нищихъ: все что награбили, то пропили давно, и грабить нечего, а ѣсть вѣдь хочетъ каждый, такъ время-ль тутъ о клятвѣ толковать.

Корнило.—Нѣтъ, клятву надо и съ невѣрными держать: вѣдь нарушенье клятвы—грѣхъ великій.

Разинъ.—Охота же такъ клятву понимать. Ты знаешь самъ: кто съ барышомъ вернется, тому попы всѣ клятвы разрѣшатъ; у нихъ лишь бѣдный будетъ виноватъ, а для богатаго всегда исходъ найдется.

Корнило.—Я клятву далъ, я долженъ и держать, и никому ея нарушить не позволю, пока на то причины не найду.

Разинъ.—Ты все свое! Не понимаю я; да, наконецъ, не властенъ ты мѣшать, коль намъ придетъ охота погулять. Мы не отъ войска, войско будетъ въ мирѣ, а отвѣчать оно за каждаго не въ силѣ и удержать ему охо́чихъ мудрено.

Корнило.—Нѣтъ, не моги и думать! Намъ те-

перь съ татарами негоже воевать: во-первыхъ, клятва; во-вторыхъ, самъ царь прислалъ съ дьякомъ, намедни, изъ Москвы, наказъ строжайшій жить со всѣми въ мирѣ!

Разинъ.—Московскій царь! Ему легко писать! Онъ сытъ всегда! Онъ никогда, я чаю, съ голоднымъ брюхомъ не ложится спать. Да что намъ царь! Намъ вольнымъ казакáмъ и безъ царя жилось не хуже прежде!

Корнило.—Цыцъ! озорникъ! За этакую рѣчь тебя бы въ кругъ, а тамъ въ мѣшокъ да въ воду! Когда все войско вздумало признать московскаго царя своимъ владыкой, такъ не тебѣ, паршивому щенку, объ этомъ разсуждать теперь со мною.—Не смѣй и думать! Сказано, нельзя! И разговора больше быть не можетъ! А если ты съ своею голытьбою осмѣлишься нарушить мой приказъ, такъ я васъ всѣхъ велю переловить и, за мятежъ, судить всѣмъ войскомъ буду. Уходитъ.

Разинъ. (одинъ)—Ишь, старый дьяволъ! Разжирѣлъ, распухъ, а о другихъ не хочетъ и подумать. Вамъ хорошо, богатымъ торгашамъ, вамъ для торговли нуженъ миръ со всѣми, такъ вы готовы слушаться царя и толковать о нарушеніи клятвы. Хорошъ казакъ, со счетами въ рукахъ да съ бирками, на мѣсто острой сабли! Экъ, чѣмъ вздумалъ Степана испугать! Ты думаешь, что намъ одна дорога лишь къ морю Черному, а больше никуда. Ну, не пускай! я путь другой найду, и если ужъ задумалъ—такъ уйду. И не тебѣ, съ твоими торгашами, помѣриться съ моими молодцами, и помѣшать задуманному мной.

Входятъ казаки: КРАСУЛИНЪ, ЧЕРНОЯРЕЦЪ, ЛАРИНЪ и ТОПОРОКЪ.

Разинъ.—Струги готовы?

Красулинъ. — Всѣ ужъ на мѣстахъ. Мы ихъ пригнали незамѣтно, ночью, и привязали тамъ, гдѣ ты велѣлъ.

Разинъ.—А голытьба?

Ларинъ.—Не стóитъ тратить словъ. Давно ужъ ждутъ. Имъ стóитъ только свиснуть, какъ коршуны на падаль налетятъ.

Разинъ.—Сегодня въ путь! Теперь зѣвать нельзя: ужъ старый чортъ успѣлъ о всемъ пронюхать и вѣрно путь намъ къ морю заградилъ. — Пойдемъ на Волгу!

Черноярецъ. — Нашимъ все равно, вѣдь и на Волгѣ можно поживиться. Не хуже, чѣмъ въ приморской сторонѣ.

Топорокъ.—По мнѣ хоть въ адъ; гдѣ можно намъ разжиться, гдѣ есть, что взять, туда насъ и веди!

Разинъ.—Сегодня, незадолго до заката, сбирайте потихоньку голытьбу къ станичному Кривому-кабаку, чтобъ собрались не разомъ, по немногу да были трезвы, не болтали зря и языки на привязи держали. Скажите имъ, что Разину молъ нужно потолковать о дѣлѣ съ голытьбой. Я думаю, охотниковъ не мало сберется слушать?

Красулинъ. — Сотни полторы сберется вѣрно, можетъ быть и больше.

Разинъ.—Да больше и не нужно. По пути еще пристанутъ, много ихъ найдется, и не заставятъ кланяться да звать.

Черноярецъ.—Такъ мы пойдемъ... Къ закату, атаманъ, готовы будемъ. Только ты не мѣшкай.

Разинъ.—Не бойтесь, Разинъ не заставитъ ждать!

Казаки уходятъ.

Пойду и я съ повинной къ Корнилѣ и обману покорностью его; а если помѣшаетъ, не отстану и молодцовъ на Волгу поведу. Тамъ, говорятъ, богатая сторонка, тамъ караванамъ не видать конца, и кто удалъ, тотъ ихъ и обираетъ.

Вбѣгаетъ маленькій сынъ Разина, хватаетъ дудку и хочетъ бѣжать назадъ. Разинъ беретъ его на руки.

Ишь, пострѣленокъ! Дома не сидится!— Хорошій выростетъ современемъ казакъ!

Мальчикъ убѣгаетъ.

Проститься развѣ съ Марьей на дорогу. Придется ли увидѣться опять?— Нѣтъ, лучше такъ. А то, въ не добрый часъ, начнетъ пытать, куда? на долго-ль ѣду?— Пойдетъ къ Корнилѣ, станетъ горевать и проболтается. Вѣдь язычекъ у бабъ, какъ мелево болтаетъ безъ умолку... Уйду и такъ. Прощанье не поможетъ, а только сердце женское смутитъ. Уходитъ.

Берегъ Дона у Кривого-кабака. На рѣкѣ стоятъ четыре струга, въ которыхъ работаютъ нѣсколько казаковъ. Поднимается полная луна. Казаки понемногу собираются около кабака.

Первый казакъ.— А что, ребята! говорятъ, Степанъ хотѣлъ сегодня рѣчь вести о чемъ-то?

Второй.— Узнаешь самъ; чего тебѣ неймется!

Первый.— Да такъ, хотѣлось бы его послушать: онъ мастеръ съ нашимъ братомъ толковать.

Третій.— Пришелъ, такъ жди, охóчь болтать пустое!— Не для тебя же одного придетъ.

Второй.— Да, времена!

Четвертый.— Собачья жизнь! Да слыхано ли дѣло, чтобъ съ басурманиномъ не воевалъ казакъ.

Пятый.— Эхъ, братецъ, коли хочешь воевать, такъ воевать всегда тебѣ возможно.

Четвертый —Да съ кѣмъ же, съ кѣмъ?

Пятый.—Коль знаешь, научи!

Шестой.— Да съ тараканами, вѣдь тѣ же бусурманѣ?

Четвертый.—Оселъ и есть!—Тебѣ все ни почемъ!—Все трынъ-трава да шутки скомороху!

Шестой.—Ну братъ не ври! Тебѣ, такъ это правда, все трынъ-трава!—Вонъ ты и шапку пропилъ и голову бы заложилъ, да не берутъ: вѣдь за нее и капли не нальютъ.

Четвертый.—Пропей и ты никто не пожалѣетъ!—Посмотримъ, много-ль за твою дадутъ?

Толпа по немногу увеличивается.

Первый.—Послушаемъ Степана: онъ пустое болтать не станетъ; говоритъ умно, а удальствомъ извѣстенъ намъ давно.

Второй.—Да, если-бъ Разинъ атаманомъ былъ, тогда бы многое пошло у насъ иначе.

Третій.—Что и говорить.

Первый.—Какъ посмотрю я, что́ за войско стало, что́ за народъ! Нѣтъ! нынѣче казако́въ, такихъ, какъ слѣдуетъ, немного наберется!

Второй.—Торговля одолѣла! казаки, какъ толстые московскіе купцы сидятъ по лавкамъ, барыши считаютъ да надувать стараются народъ.

Входитъ РАЗИНЪ. Всѣ собираются около него.

Разинъ.—Здорово, братья!

Казаки.—Будь здоровъ и ты!

Разинъ.—Позвольте рѣчь держать вамъ, молодцы!

Казаки.—Что-жъ, говори! Скажи, что́ знаешь! Тише!

Разинъ.—Слушай меня, голытьба, разудалые, вольный народъ!—Было время и время недавнее, какъ у насъ на Дону было весело, по домамъ проживать было некогда; съ басурманами мы потѣшалися, отъ проклятыхъ казной разживалися, величалися, мы нашей славою, и дивилися всѣ нашимъ подвигамъ. А теперь времена измѣнилися; нѣтъ у насъ вожаковъ, нѣтъ и волюшки! Атаманы у насъ съ есаулами разжирѣли, какъ свиньи, отъ лѣности; поглупѣли, какъ бабы отъ старости; какъ жиды занялися торговлею, сами сыты, а намъ, голытьбѣ, не даютъ удалымъ позабавиться.

Нѣтъ, не то казакомъ называется! Тотъ, казакъ, кто съ избою не знается и съ конемъ, пока живъ, не разстанется! Казаку изба—поле чистое! Казаку жена—сабля острая! Казаку торговать не товарами, а лихимъ мечомъ, алой кровію! Что́ добудетъ войной, тѣмъ и кормится; а пропьетъ до гола, не заботится; соберетъ удалыхъ, соберется и самъ и добудетъ добра, сколько надобно. Безъ кровавой потѣхи и жизнь не красна, отъ бездѣлья—хвороба заводится, а въ болѣсти лихой, да въ поганой избѣ казаку умирать не приходится!

Такъ ли братцы?

Казаки.—Такъ, такъ, атаманъ! Что ихъ слушать! Идемъ на татаръ! На татаръ! Удержать не посмѣютъ!

Разинъ.—Стой! Ни съ мѣста! И слушай меня! Я хотѣлъ васъ вести на татаръ; я вчера говорилъ атаману, что запала казацкая слава, даромъ гибнутъ могучія силы, и просилъ отпустить молодцовъ погулять,

раздобыться товаромъ! Старый дьяволъ меня не послушалъ; заказалъ мнѣ объ этомъ и думать, а чтобъ мы не удрали тайкомъ, онъ разставилъ повсюду кордоны. Ну да я не глупѣе его; не велятъ—и безъ нихъ обойдемся. Кто со мной, тотъ дорогу найдетъ! Бѣлый свѣтъ вѣдь не клиномъ сошелся! Пусть они стерегутъ насъ внизу; мы на Волгу рѣку проберемся, поживемъ, попируемъ безъ зва, и назадъ безъ нужды не вернемся! Такъ-ли, братцы?

Казаки.—Такъ, такъ, атаманъ!

Разинъ.—Коли такъ, то садись на струга, мѣста хватитъ для всѣхъ, не копайся! Помолись! И съ родною землею по обычью съ поклономъ простись!

Толпа бросается къ стругамъ и разсаживается

Казаки.—Всѣ съ тобой, атаманъ! Не оставь! Вотъ такъ слово! На Волгу, на Волгу! Потѣснись, молодцы! Поживѣй!

РАЗИНЪ—беретъ комъ земли, цѣлуетъ его, завертываетъ въ тряпку и кладетъ за пазуху.

Прости, кормилица, спасибо за добро! Придется ли увидѣться, родная?— Задумывается. Гдѣ суждено, тамъ каждый смерть найдетъ. И, можетъ быть, въ далекой сторонѣ, въ глухой степи, иль на глубокомъ днѣ твой вольный сынъ могильнымъ сномъ заснетъ!—Всѣ-ль на мѣстахъ?

Казаки—Готовы!

Разинъ.—Трогай разомъ! Отчаливай дружнѣй! Не отставать! И бейся на смерть съ тѣми, кто посмѣетъ Степана Разина на Волгу не пускать!

Струги отчаливаютъ и начинаютъ подниматься вверхъ по Дону. Всѣ стоятъ молча, безъ шапокъ, нѣкоторые крестятся.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Приказная изба въ Астрахани. ВОЕВОДА КНЯЗЬ ПРОЗОРОВСКІЙ съ дьяками и подъячими ожидаютъ прихода РАЗИНА.

Воевода—къ дьяку. Подай-ка грамоту! Да прочитай еще; не позабыть бы нужнаго, да не соврать. И въ точности указъ царя исполнить.— Дьякъ читаетъ грамоту. Довольно! Остальнаго не забылъ. А если перепутаю случайно, такъ ты сейчасъ, иль бороду погладь, иль кашляни, какъ будто поперхнулся.— Входитъ десятскій.

Десятскій.—Идутъ, боярин!

Воевода.—По мѣстамъ, живѣй!

Усаживаются по мѣстамъ. Входитъ РАЗИНЪ въ великолѣпной собольей шубѣ, покрытой драгоцѣннымъ персидскимъ столавомъ; на головѣ—казацкая шапка, украшенная дорогими каменьями. За нимъ казаки съ бунчуками, знаменами и подарками.

Разинъ—снимая шапку. Бьемъ челомъ государю великому, бьемъ челомъ головами казацкими, да пожалуетъ насъ своей милостью, и вины намъ простить повелитъ, и отпуститъ на Донъ, нашу родину.

Беретъ бунчукъ и кладетъ его на столъ. Казаки преклоняютъ знамена.

Воевода.—Когда провѣдался великій государь, что вы, забывши всякій божій страхъ, и крестное нарушивъ цѣлованье, перебрались въ приволжскую страну и воровство чинить повсюду стали, тогда, во гнѣвѣ праведномъ своемъ, онъ повелѣлъ васъ всѣхъ переловить и какъ ослушниковъ, казнить примѣрной казнью. Но по своей великой добротѣ, освѣдомясь о вашемъ челобитьи, онъ царскій гнѣвъ на милость переложилъ, онъ васъ простилъ и вмѣсто лютой смер-

ти отъ всякой казни васъ освободилъ и указалъ отправить васъ на Донъ, но съ тѣмъ, чтобъ вы великому царю за всѣ вины впередъ служили вѣрно, и смутами, и дерзкимъ мятежемъ его земель не смѣли бы тревожить. Еще велѣлъ великій государь, чтобъ вы сказали безъ утайки правду: кто васъ смутилъ въ родимой сторонѣ, кто васъ собралъ, кто указалъ дорогу, и много-ль вы надѣлали бѣды на Волгѣ, въ государевыхъ земляхъ, и въ шаховыхъ приморскихъ городахъ.

Разинъ.—На родимомъ Дону у насъ прошлой осенью скудость великая приключилася. Воевать идти было некуда, въ морѣ Черное нѣтъ дороженьки, люди турскіе выходъ заперли, крѣпостей вездѣ понаставили. Стали думать мы, стали сѣтовать и пошли искать пути новаго. Поднялись рѣкой, перешли горой, съ Волгой-матушкой перемолвились, и пошли по ней къ морю синему добывать добра въ землѣ шаховой. А тому всему, нехочу скрывать, я въ заводѣ былъ, я и выдумалъ. Что творили мы—не припомнится, а готовъ сказать, коли вспомнится. Воевали мы годъ безъ малаго, колотили мы, гдѣ случалося, а въ какихъ мѣстахъ, насъ не спрашивай, вспоминать о томъ теперь не къ чему. Если-жъ хочешь знать, такъ спроси о томъ Волгу-матушку, сине-морюшко, вѣтры буйные, красно-солнышко, что свѣтило намъ, не скрывалося, нашей удалью забавлялося.

Воевода.—Еще велѣлъ великій государь, чтобъ все добро, награбленное вами, вы тотчасъ возвратили бы ему, а также выдали бы и людей полонныхъ, которыхъ вы съ собою привезли.

Разинъ.—Скажи государю своему, что того те-

перь намъ исполнить не приходится: что пограбили—подува́нено, перепродано, передѣлано, и собрать всего нѣту моченьки. То, что взяли мы и отдать нельзя, но въ долгу у насъ не останется. А о тѣхъ, что мы привезли живьемъ, вспоминать не слѣдъ: не торговлею полоняянники намъ достались, а мы взяли ихъ острой саблею; былъ платежъ за нихъ алой кровію, головами тѣхъ, что́ остались во сырой землѣ, въ странѣ шаховой,

Воевода.—Зачѣмъ вы намъ не отдали всѣхъ пушекъ, которыя должны были отдать, согласно вами принятой присягѣ? Зачѣмъ вы также держите служилыхъ, которыхъ обѣщались отпустить, какъ только вы подъ Астрахань придете?

Разинъ.—Частью пушки мы вамъ ужъ отдали, остальныя намъ и самимъ нужны. Знаешь самъ, безъ нихъ, степью голою, вплоть до Па́ншина и пройти нельзя. А служилыхъ намъ держать не къ чему, принуждать у насъ нѣтъ обычая; кому нравится—тотъ останется, а не нравится, такъ не маленькій, самъ собой уйдетъ: насъ не спросится.

Воевода.—Еще велѣлъ великій государь переписать все войско поимянно, которое на Донъ съ тобой пойдетъ.

Разинъ.(возвысивъ голосъ)—Ну, ужъ этому никогда не быть! По казацкому, по обычаю, отродясь у насъ того не было; да и въ грамотѣ государевой такой новости не прописано. Иль ему, царю, ужъ невѣдомо, что у насъ того и въ заводѣ нѣтъ, что вѣдь къ намъ народъ со всѣхъ сторонъ бредетъ, и строчить его не приходится. Да и сѣмени-то крапивнаго, что черни-

лами душу пакоститъ, на Дону у насъ не посѣяно, на Руси оно поразвѣяно, на Руси у васъ оно выросло, съ сатаной самимъ подружилося, для него писать научилося; а у насъ попомъ, на поминъ души, только мертваго имя пишется, а пока живутъ люди вольные на бумагу ихъ писать не зачѣмъ.—(Помолчавъ.) Вотъ что я скажу тебѣ, русскій князь, толковать намъ здѣсь дѣло трудное, и отвѣта ждать—время долгое. Ты вѣдь самъ собой намъ отвѣтъ не дашь, а о томъ, что ты настрочишь въ Москву намъ узнать нельзя—мы не грамотны. Такъ позволь-же намъ изъ среды своей послать выборныхъ къ самому царю.

Воевода.—Пусть будетъ такъ. Пусть ваши старики предстанутъ передъ очи государя и слово милости услышатъ отъ него. Сегодня выбирайте, а на утро съ моимъ дьякомъ отправлю ихъ въ Москву.—(Встаетъ.) Теперь конецъ, ступайте по домамъ, не обижайте мирныхъ горожанъ, и смуты межъ народа не чините.

Разинъ.—Позволь-же, князь, по старому обычаю, отъ насъ поминки предложить. Прими ихъ, не побрезгай, чѣмъ богатъ, то радъ отдать, затѣмъ не постою и что мое, того не пожалѣю.—(Казаки подносятъ и раскладываютъ на столѣ и по лавкамъ богатые подарки.) Ужъ скоро полдень, время пообѣдать; такъ сдѣлай честь, откушай у меня, и за виномъ, въ пріятельской бесѣдѣ, не откажи со мной потолковать.

Воевода.—Спасибо за поминки, принимаемъ, и чѣмъ богаты, тѣмъ и отдаримъ. Спасибо и за зовъ, но не сегодня, сегодня я отозванъ, извини, а завтра, въ эту пору, буду у тебя. Ступайте съ Богомъ!

Разинъ.—Какъ тебѣ угодно. Нельзя сегодня, завтра приходи; всегда почетнымъ у насъ гостемъ будешь, коль зовомъ не побрезгаешь моимъ. Прощай, бояринъ!

Уходятъ. Всѣ разсматриваютъ подарки.

Воевода.—Десятскіе, возьмите и несите осторожно, отдайте на руки боярыни самой и никому показывать не смѣйте. Терентьичь, ты за ними присмотри, и если только кто изъ нихъ, дорогой, небрежно понесетъ, или уронитъ, такъ у меня на дому сейчасъ расправится съ бездѣльникомъ прикажешь.

Десятскіе завертываютъ подарки и уносятъ.

Дьякъ—Вотъ такъ поминки! Въ пору и царю!

Воевода,— Да, хороши поминки, но и шуба ужъ больно мнѣ понравилась его. Какія соболи, какая и парча, какъ золото на солнышкѣ горитъ,— (Къ дьяку.) Ты намекни при случаѣ ему, что молъ у князя старая шубенка; такъ не мѣшало бы для дружбы и почета съ плеча казацкаго другую подарить. Скажи, что князь подарка не забудетъ.

Дьякъ.—Да, шуба знатная!

Воевода.— И на плечахъ моихъ, какъ разъ на мѣстѣ настоящемъ будетъ. — (Уходитъ.)

1-й Дьякъ.— Вотъ ненасытная утроба, право скаредъ! все мало, вишь, и шубы захотѣлъ!

2-й Дьякъ.— А что Мартьянычъ, обождавъ немного, пойдемъ и мы съ поклономъ къ атаману поздравить съ царской милостью его. Авось и насъ съ тобой не позабудетъ

1-й Дьякъ.—Насъ не обидитъ. Долженъ знать, кажись, что мы ему скорѣе воеводъ тамъ, на Москвѣ, устроить можемъ дѣло.

2-й Дьякъ.—А сколько онъ навезъ съ собой добра, такъ просто ужасъ! паруса изъ шелка, парча золотная, какъ тряпки, ни почемъ! каменьевъ самоцвѣтныхъ, серебра, хоть пригоршнями мѣрь, не сосчитаешь!

1-й Дьякъ.—Слыхалъ, слыхалъ! Съумѣемъ подоить; повытянемъ, на сколько хватитъ силы. А насъ не по́ шерсти если погладятъ, тогда они и здѣсь не поладятъ, и изъ Москвы немного привезутъ.

2-й Дьякъ— Безъ насъ нигдѣ имъ толку недобиться. Вѣдь и пословица не даромъ говорится: быть дѣлу такъ, какъ пожелаетъ дьякъ!

1-й Дьякъ— Пойдемъ ко мнѣ, да за одно поладимъ, кому изъ насъ ихъ отвозить въ Москву.

(Уходитъ.)

1-й Подъячій.— Пойдемъ и мы, и намъ перепадетъ; вѣдь и безъ насъ порой не обойдутся.

2-й Подъячій.— Кому бычка, а намъ хоть шерсти клокъ, кому парчу, а намъ хоть бы платокъ, пойдемъ, пойдемъ, найдетъ чѣмъ подѣлиться.— (Уходятъ.)

1-й Десятскій.—И намъ по малости, на молочишко дѣткамъ.

2-й Десятскій.— На выпивку!

3-й Десятскій.— Малашкѣ на поняву!

1-й Десятскій.— На что-нибудь, лишь только бы сорвать! Пойдемте братцы! —(Уходятъ. Остается одинъ сторожъ.)

Сторожъ.—(Убираетъ избу.) Нѣтъ, видно и на этотъ разъ напрасно мы ожидали праздника себѣ. Мы думали, что вольный атаманъ, не изъ боярскаго, а изъ простого рода, добудетъ волюшку для сѣраго народа, побьетъ бояръ, повѣситъ воеводъ, и заведетъ казац-

кое устройство. Ужъ какъ надѣялись, а вышло по другому, и жди опять, настанетъ ли пора. А думали, что близко! Вѣдь ему лишь подойти бы къ Астрахани смѣло, да кликнуть кличъ, такъ мы и безъ него съ мучителями кончили бы мигомъ и цѣлымъ городомъ ему передались!—Господъ то много, а народу тьма. Вѣдь если намъ подняться дружно, разомъ, тогда они и дня не устоятъ. А вотъ поди, попробуй, подними. Да, не легко и съ нами толковать! (Начинаетъ мести.)

Терпи холопъ—и подставляй свой лобъ!—Терпи мужикъ, вѣдь ты терпѣть привыкъ!—Терпи народъ, пока твой часъ пробьетъ, пока твой стонъ до господа дойдетъ!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Волга. На ней, не далеко отъ берега, стоитъ на якорѣ стругъ Разина „Соколъ“. На палубѣ накрытъ длинный столъ, за которымъ Разинъ пируетъ съ своими эсаулами. Ясный, осенній день. Къ „Соколу“ подъѣзжаетъ отъ Астрахани лодка.

Разинъ.—Кого еще нелегкая несетъ?

Сторожевой казакъ.—Не знаю самъ. На веслахъ мужики, а на кормѣ сидятъ такіе люди, которыхъ и не видывалъ досель, штаны въ обтяжку, черные кафтаны и треухи съ перомъ на головахъ. По виду словно черти.

Разинъ.—Коли черти, такъ почему-жъ и ихъ не пригласить. Бесѣдовать мнѣ съ ними не приходилось, а пить они должно быть мастера!

Черноярецъ.—Какое черти! Это просто нѣмцы, что присланы весною изъ Москвы.

Сторожевой.—Подъѣхали! Прикажешь пропустить?

Разинъ.—Пусти; посмотримъ что они за люди!

Входитъ БУТЛЕРЪ съ пятью нѣмцами, двое изъ нихъ держатъ въ рукахъ по стклянкѣ съ виномъ.

Разинъ.—Вы что за люди?

Бутлеръ.—Здравствуй атаманъ!—Мы родомъ нѣмцы; изъ страны далекой мы, по призыву вашего царя, пришли на службу въ ваше государство и служимъ тамъ, гдѣ царь намъ повелитъ. Онъ насъ послалъ подъ Астрахань, весною, и приказалъ намъ строить корабли; мы ихъ и строимъ, здѣсь пока живемъ, а не понравится, такъ и домой уйдемъ... Давно молва о подвигахъ твоихъ дошла до насъ, и удивлялись много мы твоему лихому удальству. Когда-жъ провѣдали, что царь тебя простилъ, такъ побесѣдовать съ тобою захотѣли и для того пріѣхали сюда. Да и вина съ собою захватили. Прими его великій атаманъ, и намъ не откажи въ своемъ привѣтѣ, и допусти съ тобой потолковать.

Разинъ.—Спасибо нѣмцы! Стклянница вина всегда у мѣста, лишней не бываетъ, пока ея не вытянутъ до дна... Поставь на столъ, садись противъ меня и сполоснемте горло для бесѣды.

Бутлеръ.—Благодаримъ за ласковый привѣтъ.

Нѣмцы ставятъ стклянки на столъ и садятся противъ Разина. Одинъ изъ эсауловъ подаетъ Бутлеру кубокъ. Бутлеръ наливаетъ вино.

Разинъ.—Что-жъ ты не наливаешь до краевъ?

Бутлеръ.—Не выпьешь съ разу. Вѣдь у васъ вино прекрѣпкое, такъ горло и деретъ.

Разинъ.—Совсѣмъ не крѣпко, это съ непривычки бываетъ такъ, а на [illegible] проберетъ.

Разинъ.—Ну какъ вамъ здѣсь живется? Довольны-ли вы службою своей?

Бутлеръ.—Живемъ, пока насъ царь не забываетъ и все даетъ, что прежде обѣщалъ.

Разинъ.—Я слышалъ, васъ ужъ развелось довольно, и вѣрно нравится, коль лѣзете вы къ намъ. Живите мирно, не плодитесь слишкомъ, и не задумайте народа обижать, живите братьями, не будьте господами, ихъ на Руси довольно и безъ васъ: а если вы полѣзите въ бояре, да станете народомъ помыкать, тогда и вамъ позорнаго изгнанья изъ земли русской не миновать!

Бутлеръ.—Мы слуги царскіе, мы по его призыву пришли служить. И будемъ исполнять все, что ему намъ повелѣть угодно, что только онъ изволитъ приказать.

Разинъ.—Не одного царя, всего народа, что принялъ васъ и далъ вамъ хлѣбъ, да кровъ, вы слугами должны теперь считаться, и передъ нимъ отнюдь не величаться ни знаніемъ, ни мудростью своей.

Бутлеръ.—Мы служимъ государю, не народу, и служимъ не неволей, по найму; пока намъ платятъ насъ не обижаютъ, мы здѣсь останемся, а иначе уйдемъ. И въ нашей родинѣ занятіе найдемъ.

Разинъ.— А ваша родина отсюда далеко?

Бутлеръ.— Далека очень. При дурномъ пути и въ цѣлый годъ отсюда не добраться.

Разинъ.—Что-жъ, и у васъ, поди, есть свой король?

Бутлеръ.—Нашъ господинъ—великій императоръ.

Разинъ.—Ишь ты какой! У каждаго вѣдь свой: Султанъ у турокъ, шахъ у персіянъ, король у Польши,

вашъ вонъ императоръ, а говорятъ и папа есть еще.

Бутлеръ.— Святѣйшій папа есть глава вселенной и послѣ бога первый на землѣ. Онъ царь царей, онъ нашихъ душъ блюститель, и всѣ, кто вѣруетъ въ спасителя Христа, всѣ передъ нимъ во прахъ должны склониться.

Топорокъ.—А патріархъ?

Бутлеръ.—Нашъ папа выше!

Топорокъ.— Врешь! Вашъ папа съ патріархомъ не сравнится! и вѣра ваша вовсе не годится! у васъ и попъ въ штанахъ повсюду ходитъ, и брѣетъ бороду, и выстригаетъ плѣшь; и крестъ другой и молокомъ въ посту дозволено свою поганить душу.

Разинъ.—Нашелъ, что сравнивать, поповское отродье! вѣдь богъ одинъ, а тамъ не все-ль равно,какъ ни крестися, справа или слѣва, и безъ штановъ, или въ штанахъ ходи. Который выше! оба высоки! Вотъ какъ умрутъ, ты ихъ аршиномъ смѣрь да собственному глазу и повѣрь. — Къ Бутлеру. — Скажи мнѣ, нѣмецъ, говорятъ, что вы къ намъ наѣзжаете учить насъ разнымъ штукамъ да хитростямъ, къ которымъ, вишь, у насъ своимъ умомъ добраться не успѣли. Ну ты пріѣхалъ строить корабли, а остальные насъ чему научатъ?

Бутлеръ.—Да многому, что неизвѣстно вамъ.

Разинъ.—Ну, напримѣръ?

Бутлеръ.—Всего не сосчитать. Искусству ратному, какъ пушки лить, какъ отливать монету, какъ строить церкви, возводить изъ камня палаты крѣпкія, и разнымъ мастерствамъ.

Разинъ.—Постой, постой! Ишь, много насказалъ! ты говори отдѣльно' а не разомъ. Во первыхъ?

Бутлеръ.—Искусству ратному.

Разинъ.—Искусство то, безспорно, хорошо, коль обучать ему весь народъ, безъ исключенья, чтобъ каждый могъ защищать отечество свое и свою волю. А, вы, нѣмцы у насъ солдатчину завели: солдатчина нужна только царямъ: убивать волю народную, держать народъ въ неволѣ. Безъ солдатчины цари не могли-бъ ни рекрутовъ набирать, ни оббирать народъ налогами да поборами. По моему, народное ополченеі, какъ это въ старину водиолсь на руси, только и хорошо. Народное ополченіе собирается только на время войны, а какъ сдѣлаютъ замиреніе, такъ всѣ по домамъ, за работу, пашн землю. Народное ополченіе знаетъ за что бьется и противъ кого бьется, почему оно храбрѣй и стойче солдата. Оно не станетъ биться за бояръ, да за прихоть царскую и противъ вольностей народа ужъ не пойдетъ. Еще чему?

Бутлеръ.—Какъ отливать монету; какъ пушки лить и къ нимъ приготовлять снаряды и запасы боевые.

Разинъ.—Кто пушку сдѣлалъ—трусамъ угодилъ и въ бойню обратилъ забаву храбрыхъ; предъ этой дурой смѣлости ненужно, и трусъ, и храбрый—всѣ предъ ней равны. Въ ручномъ бою, въ кровавой жаркой сѣчѣ, тамъ кто сильнѣй, проворнѣй, да смѣлѣй—тотъ и осилитъ; а къ поганой пушкѣ хоть баба старая фитиль съ огнемъ приложитъ, но много храбрыхъ выстрѣлъ тотъ уложитъ, и доблесть лыцарская ничего не сможетъ предъ силой летящаго ядра... Еще чему?

Бутлеръ.—Какъ возводить изъ камня дворцы, палаты, церкви, колокольни и мастерствамъ.

Разинъ.—Хоть церкви хороши, но въ нихъ

нельзя жить постоянно людямъ, а потому и строить ихъ не слѣдъ, пока въ домахъ повсюду недостатокъ. Палаты ваши—хитрая постройка, я видѣлъ ихъ, хоть самъ въ нихъ не живалъ, но на Руси отъ стариковъ слыхалъ, что кто въ палатѣ каменной селится, въ томъ сердце тоже въ камень обратится, и отъ него немного жди добра.—Учи насъ, нѣмецъ, это не грѣшно, и только дураку оно смѣшно, а умному ученье пригодится.

Бутлеръ.—У каждаго народа свой порядокъ, свои обычаи, ихъ надо изучать, перенимая лучшее взаимно.

Разинъ.—У насъ ученье въ томъ, чтобъ сохранять лишь смѣлость сердца, доблести наслѣдство, а вѣдь и это не для всѣхъ легко...

Бутлеръ.—Ты, атаманъ, мы слышали, женатъ, а ужъ у насъ идетъ такой обычай: пить за хозяина сначала, а потомъ и за хозяйку; у тебя-жъ она красавица такая, что ни разу я и во снѣ подобной не видалъ.

Разинъ.—Ошибся, нѣмецъ, это не она! Моя жена съ дѣтьми осталась дома.

Бутлеръ.—Гдѣ ни осталась, все-таки жена. Такъ дай же Богъ, чтобъ, возвратясь домой, ты ихъ увидѣлъ всѣхъ въ здоровьи добромъ, и отдохнулъ бы посреди семьи отъ подвиговъ, тобою совершенныхъ.

Запорожецъ Бова.—Кто съ бабою связался, тотъ пропалъ! Приворожитъ она да приголубитъ молодца, не спитъ онъ ночь, подъ утро не поднять, и только думаетъ, чтобъ съ бабой полежать.

Разинъ.—Теперь пойдетъ о нихъ со всѣми спорить!... А ты женатъ, Бутлеръ?

Бутлеръ.—Женатъ.

Разинъ.—Вотъ за дѣтей я пить не откажуся, за мальчиковъ; ихъ много у тебя?

Бутлеръ.—Шесть сыновей.

Разинъ.—Да трое у меня; ну, станемъ пить за ихъ здоровье.—Къ одному изъ нѣмцевъ.—А что же ты, братъ, отстаешь отъ насъ, не пьешь, не ѣшь и, вылупивъ глаза, какъ истуканъ сидишь, не шевельнешься. Куда ты смотришь? Иль околдовала тебя персидская княжна?

Нѣмецъ.—Да, атаманъ. Готовъ хоть цѣлый день я на нее смотрѣть и любоваться. Видалъ я много на своемъ вѣку красивыхъ женщинъ, а такой ни разу еще на свѣтѣ видѣть не пришлось.

Разинъ.—Да этотъ яхонтъ мнѣ достался съ бою! Хотѣлъ убить—не поднялась рука, и на потѣху взялъ ее съ собою. Что, Боба, хороша?

Боба.—Поганое отродье!

Яранецъ.—Всѣхъ стали подчивать, а Волгу обнесли, иль матушку родную позабыли!

Беретъ кусокъ хлѣба, посыпаетъ солью и бросаетъ въ Волгу.

Прими родимая, дороже нѣтъ на свѣтѣ, какъ хлѣбъ да соль; безъ нихъ и жить нельзя!

Разинъ.—Нашелъ чѣмъ подчивать! Ее не удивишь сукроемъ хлѣба, хлѣбъ ей не въ новинку; она сама, коль надо, бьетъ суда и въ волю хлѣбъ, родная, добываетъ.—Встаетъ.—Нѣтъ, Волгу-матушку не такъ благодарятъ; вотъ мой подарокъ будетъ ей дороже!

Оборачивается лицомъ къ рѣкѣ.

Эхъ, ты Волга, матушка-рѣка, пріютила ты, не выдала меня, словно мать родная приголубила, надѣлила вдоволь славой, почестью, златомъ, серебромъ, богатыми товарами; я-жъ тебя ничѣмъ еще не даривалъ, за добро твое ничѣмъ не плачивалъ! не по-

рбезгай-же родимая подарочкомъ, на, тебѣ, кормилица, возьми!

Хватаетъ княжну и бросаетъ ее въ Волгу. Нѣмцы вскрикиваютъ отъ ужаса. Нѣсколько секундъ общаго молчанія.

Бова.—Давно бы такъ!

Яранецъ.—Не пожалѣлъ, и Волга для тебя свои сокровища отдать не пожалѣетъ.

Разинъ.—Налей вина! За матушку, за Волгу, за нашу вѣрную кормилицу-рѣку!

Всѣ встаютъ и пьютъ, кромѣ нѣмцевъ.

Что-жъ ты не пьешь, Бутлеръ? За Волгу долженъ пить! На ней и ты свою посуду строишъ!

Бутлеръ.—Спасибо, атаманъ, за угощенье, за встрѣчу добрую, за ласковый привѣтъ. Теперь прощай, и отпусти насъ съ миромъ, ужъ намъ пора!

Разинъ.—Куда бѣжите вы? Иль надоѣла вамъ моя бесѣда?

Бутлеръ.—Не думай такъ, довольны мы тобой, но только время намъ отсюда ѣхать, чтобъ засвѣтло поспѣть къ себѣ домой.

Разинъ.—Ну, коли время, я васъ не держу. Садись за весла! Убирай столы! И пляской молодецкой, да пѣсней удалою потѣшимте кормилицу-рѣку! Ну, живо!

Казаки убираютъ столы, затѣмъ часть ихъ садится за весла остальные образуютъ полукругъ. Разинъ стоитъ на рулѣ; около него нѣмцы.

Разинъ.—Начинай, Кирилка, плясовую. Валяй! глотки не жалѣй!

КИРИЛКА. Запѣваетъ.

То не на небѣ туча чорная собиралася,
То не на морѣ буря грозная разыгралася,
То на „Соколѣ“ атаманъ, Степанъ, потѣшается,
Съ эсаулами его храбрыми забавляется.

Эхъ, гуляй душа, душа вольная!
Душа вольная, молодецкая!
Эхъ, ты жги, говори, да на мѣстѣ не сиди!
Да на мѣстѣ не сиди, знай поплясывай!
Разступись народъ, хороводъ идетъ,
Хороводъ ведетъ Волга-матушка,
Съ вѣтромъ буйнымъ, съ ночкой темною,
Съ нашей удалью молодецкою!
Какъ пойдемъ плясать, разыграемся,
Не мѣшай никто, съ кѣмъ не знаемся!
Начинай, Кузьма, ждать намъ некого,
Начинай живѣй, ноги чешутся!
Эхъ, ходи гуляй, разговаривай,
Не робѣй, Косой, знай наяривай!
Поднимайтеся вѣтры буйные,
Надвигайтеся тучи чорныя,
Расходись сама Волга-матушка,
Покачай ты насъ ради праздничка!
Ну ходи живѣй, разговаривай!
Не робѣй, Косой, знай наяривай!
Расходись рука, ну, живѣй еще!
Разступись народъ, мѣста надобно!
Эхъ, ты жги, говори, да на мѣстѣ не сиди,
Да на мѣстѣ не сиди, знай отплясывай!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Черкаскъ. Внутренность избы, отведенной московскому послу, жильцу Герасиму Евдокимову. ЕВДОКИМОВЪ и атаманъ КОРНИЛО ЯКОВЛЕВЪ, сидятъ за столомъ.

Евдокимовъ.—Что же, атаманъ! Неужели ты до сей поры не могъ ничего провѣдать о замыслахъ Стеньки?

Корнило.—Ничего не узналъ, да и узнать нельзя. Стенька не такой человѣкъ, чтобы проболтаться; а что у него въ головѣ, того никто вѣдать не можетъ. Пока сидитъ спокойно, только не долго засидится: я его хорошо знаю. Дожидалъ весны; а теперь, того и гляди, не сегодня, такъ завтра удеретъ на Волгу.

Евдокимовъ.—Какъ-же это, атаманъ, у васъ дѣлается? Неужели войсковая расправа не можетъ приказать простому казаку? Неужели онъ посмѣетъ ослушаться тебя, выборнаго отъ всего войска? Какой-же у васъ послѣ этого порядокъ?

Корнило.—У всякаго свои порядки. Меня нечего корить: я тутъ ничѣмъ не виноватъ. Небось, когда мы посылали станицу въ Москву, намъ не повѣрили; станицу подъ Соловки сослали. Я всегда готовъ служить вѣрою и правдою великому государю, а противъ Стеньки я не силенъ. За него вся голытьба горой стоитъ. Явись Стенька къ намъ въ Черкаскъ, богъ вѣдаетъ, кто тогда и атаманомъ будетъ. Супротивъ силы ничего не подѣлаешь. А Стенька силенъ: съ нимъ и великому государю впору будетъ тягаться. Не удер-

жалъ я его въ первый разъ, теперь, дай богъ, самому удержаться. Не то время!

Евдокимовъ.—Что же мнѣ сказать великому государю?

Корнило.—А что слышалъ, да видѣлъ, то и скажи. Вотъ сейчасъ соберемъ кругъ и выберемъ станицу въ Москву бить челомъ великому государю за его милости.

Евдокимовъ.—Ты бы въ кругу о Стенькѣ поговорилъ. Позвалъ бы его на судъ, какъ ослушника.

Корнило.—Такъ онъ и придетъ! Нѣтъ, лучше этого дѣла и не поднимать: хуже будетъ. Не тронь медвѣдя, пока онъ въ берлогѣ. Теперь не долго ждать; скоро обнаружится. Ты пообожди. Я сейчасъ соберу кругъ, тогда и за тобой пришлемъ. Прощай, Герасимъ Ивановичъ!—Встаетъ.

Евдокимовъ.—Выпей на дорогу, атаманъ. Или вино не понравилось?

Корнило.—Спасибо, спасибо! Ужо, вечеромъ, зайди ко мнѣ; еще потолкуемъ. Кстати я и станичнаго позову. Прощай!

Евдокимовъ.—Прощай, атаманъ!—Корнило уходитъ.—Хитрый дьяволъ! Всѣ вы хороши, пока васъ по головкѣ гладятъ. Тоже боится за свою власть. Нѣтъ, дѣло плохо. Надо поскорѣе ѣхать въ Москву, да доложить великому государю, чтобы на Волгѣ не дремали.—Входитъ подъячій ГОЛОВАЧЪ.

Евдокимовъ.—Ну, что?

Головачъ.—Ничего хорошаго. Засылалъ я, по твоему приказу, къ нему вѣстовщиковъ, что молъ царскій посланецъ былъ бы не прочь поговорить по че-

сти съ атаманомъ и передать о его нуждахъ великому государю. Не поддается собака! „Мнѣ, говоритъ, простому казаку, не пригоже толковать съ царскимъ посломъ; на то у насъ свой атаманъ есть въ Черкаскѣ, съ нимъ пусть и толкуетъ. А о моихъ нуждахъ не зачѣмъ тревожить великаго государя, не стоитъ безпокоить его царскую милость. Справлюсь помаленьку и самъ."

Евдокимовъ.—Хитеръ! А на счетъ того, чтобъ извести его?

Головачъ.—Тоже ничего. Не поддается ни одинъ. Прямо сказать—страшно, а такъ, стороной, сколько разъ ни заводилъ рѣчи, не понимаютъ. Ты, говорятъ, что то больно мудрено закидываешь; говори прямо, мы народъ простой, неграмотный, вашимъ московскимъ хитростямъ не обучены.

Евдокимовъ.—Неужели изъ этихъ оборванцевъ не нашлось ни одного...?

Головачъ—перебивая. Съ тѣми еще труднѣе толковать. Они для Стеньки никого не пожалѣютъ. Одного, это, я зазвалъ къ себѣ, напоилъ до пьяна, да и брякнулъ съ разу, и деньги тутъ-же давалъ, такъ онъ на меня какъ заоретъ: вотъ, говоритъ, зачѣмъ васъ изъ Москвы прислали...

Евдокимовъ.—Ну, надѣлалъ бѣды! Что же далѣе?

Головачъ.—Насилу справились! Три дня безъ просыпу поили. Какъ очухался и не поминалъ, забылъ во хмѣлю.

Евдокимовъ.—Нѣтъ, видно это дѣло придется оставить. Не вышло бы хуже.

Головачъ.—Пора намъ, Герасимъ Ивановичъ, отсю-

да убираться. Слухи идутъ, что Стенька не сегодня такъ завтра въ Черкаскѣ будетъ. Не принялся бы онъ за твою милость, да не сталъ бы, оборони Богъ, распрашивать по-своему. Долго ли до бѣды! И до шкуры доберется. У нихъ у проклятыхъ коротка расправа!

Евдокимовъ.—Правда. Вотъ сегодня выберутъ станицу, а завтра и уѣдемъ. Мѣшкать не чего. Сейчасъ въ кругъ позовутъ. Надо переодѣться. Пойдемъ на верхъ.

Берегъ Дона въ Черкаскѣ. Впереди видна площадь, на которой собранъ кругъ. Разинъ съ большою толпою своихъ казаковъ проходитъ по берегу.

Разинъ.—Что тамъ за сборище такое?

Черноярецъ.—Кругъ, атаманъ, собрался.

Разинъ.—А зачѣмъ?

Яранецъ.—Станицу выбираютъ къ государю; съ посломъ московскимъ думаютъ послать. А для чего, не знаемъ. Говорятъ, за милости благодарить хотятъ.

Разинъ.—Сбирайтесь въ кругъ, посла ко мнѣ ведите, я распрошу по своему его, зачѣмъ на Донъ подосланъ онъ царемъ. Красулинъ, ты ступай на вражью сходку и позови сейчасъ ко мнѣ посла.

Красулинъ—А если онъ идти не согласится!

Разинъ.—Такъ за воротъ тащи его сюда!

Красулинъ съ частью казаковъ уходитъ; изъ остальныхъ образуется кругъ.

Разинъ.—Довольно мы безъ дѣла просидѣли, довольно дней прошло по пустякамъ! Сегодня васъ я позову съ собою идти туда, куда задумалъ я! Кто не трусливъ, тотъ вѣрно не отстанетъ; а путь нелегкій нынѣ предстоитъ. Не на грабежъ иду я по Руси! То было время, но оно прошло, а нынѣ ужъ другое наступило. Не на грабежъ иду я, я—другое, я—дѣло славное

задумалъ совершить. Рѣшился я народу возвратить ту волю самую, которую бояре оставили лишь только для себя, а отъ свободнаго спокон вѣковъ народа отнять успѣли, и простыхъ людей скотомъ рабочимъ умудрились сдѣлать. Но волю-мать искоренить нельзя! Гонимая, забитая повсюду, она врагамъ своимъ не покорилась, она въ душахъ поруганныхъ таилась и все ждала! и дождалась денька кроваваго разчета за былое.

Черноярецъ.—Опять на Волгу!

Разинъ.—Сперва на Волгу, потомъ не въ морѣ, но ужъ къ другой васъ поведу рѣкѣ. На той рѣкѣ сотоитъ великій городъ, и много въ немъ богатства да добра. Въ томъ городѣ живутъ такіе люди, съ которыми мнѣ надобно свести разсчеты старые за все, что тамъ забито, что тамъ замучено, въ сырой землѣ зарыто и ждетъ давно оплаты палачамъ.

Приходитъ Евдокимовъ со своими товарищами. Казаки впускаютъ ихъ въ средину круга.

Разинъ.—Ты отъ кого пріѣхалъ изъ Москвы?

Евдокимовъ — гордо. — Меня послалъ великій государь съ своею царской грамотою къ войску и повелѣлъ, по благости своей, потолковать о вашихъ нуждахъ съ вами.

Разинъ.—Ты врешь, собака! Нѣтъ! отъ царя лазутчикомъ ты посланъ, подсматривать при случаѣ за мной.

Евдокимовъ.—Я государя вашего посолъ, обижать меня никто не смѣетъ, кто не дерзаетъ оскорбить царя. Я посланъ къ вамъ отъ имени его и именемъ его тебѣ вѣщаю...

Разинъ.— перебивая его.—А именемъ кого намѣревался ты извести отравою меня?

Евдокимовъ.—Съ чего ты вздумалъ рѣчь вести объ этомъ? Съ чего ты взялъ подозрѣвать меня въ столь низкомъ дѣлѣ? Не могу оставить я подобной клеветы. Гдѣ дерзкій тотъ, языкъ чей повернулся меня въ подобномъ дѣлѣ обвинять? Представь его!

Разинъ.—Найдется, погоди! Объ этомъ ты вотъ съ нимъ поговори!

Указываетъ на одного изъ казаковъ

Евдокимовъ.—Я отъ роду его впервые вижу.

Казакъ.—Не онъ, а тотъ мнѣ деньги предлагалъ.

Указываетъ на подъячаго Головача.

Разинъ.—Ты предлагалъ?

Головачъ.—Не вѣрь имъ, атаманъ. Онъ приходилъ ко мнѣ за подаяньемъ, и я ему алтынъ на нужды далъ.

Разинъ.—Не извернешься! Одному ему я вѣрю больше, чѣмъ посламъ московскимъ, извѣстнымъ всюду лживостью своей. Въ мѣшокъ его, да въ воду!

Головача схватываютъ, онъ падаетъ на колѣни.

Головачъ.—Пощади! Помилуй, атаманъ! хоть ради дѣтокъ! Сиротами останутся они!

Головача тащутъ къ водѣ.

Евдокимовъ— гордо.—Остановись! Не водится нигдѣ, чтобъ надъ людьми посланника творили насилье дерзкое. Безумнымъ оскорбленьемъ особы царской станетъ эта смерть, и царскій гнѣвъ обрушится жестоко надъ головой преступною твоей.

Одинъ изъ казаковъ отдѣляется отъ толпы, которая тащитъ Головача, и подбѣгаетъ къ Разину.

Казакъ.—Онъ повиниться хочетъ, атаманъ, и правду всю сказать намъ обѣщаетъ.

Разинъ.—Веди сюда! Теперь добьемся правды.

Головача снова втаскиваютъ въ кругъ и становятъ передъ Разинымъ. Онъ опускается на колѣни.

Разинъ.—Ну, говори!

Головачъ— Заикаясь и дрожа отъ страха.— Великій атаманъ! Я все скажу, лишь не вели казнить, и смилуйся надъ старымъ человѣкомъ!

Разинъ.—Ну, говори! Ишь, какъ дрожитъ отъ страха, и слова вымолвить не можетъ. Онѣмѣлъ!

Головачъ.—Охъ, смилуйся! Я... не виновенъ... въ этомъ... я... я...

Разинъ.—Ты подкупалъ, чтобъ отравить меня, вотъ этаго кривого запорожца?

Головачъ.—Не помню!... можетъ быть... онъ не разслышалъ.

Разинъ—Не помнишь? Въ воду!

Головачъ.—Виноватъ, прости! Я говорилъ лишь то, что приказали мнѣ говорить другіе.

Разинъ—Кто? Посолъ?

Головачъ.—Да... нѣтъ... помилуй, атаманъ, не погуби!

Разинъ.—Вотъ какъ! Отвѣчай Герасимъ! Кто подослалъ съ отравою тебя?

Евдокимовъ.—Не правда все! Ты видишь, онъ отъ страха и самъ не знаетъ, что говоръ болтать.

Разинъ.—Такъ отъ царя съ отравою ты присланъ. И ты дерзнулъ!... Такъ вотъ тебѣ, проклятый, и плата за усердіе твое!—Бьетъ его.—Лупи его! Казацкими руками почевствуйте-ка царскаго посла! Вотъ такъ! Вотъ такъ!

Корнило Яковлевъ съ нѣсколькими казаками вбѣгаетъ въ кругъ и подбѣгаетъ къ Разину.

Яковлевъ.—Опомнися, Степанъ! Такъ не пригоже дѣйствовать съ послами! не накликай на всѣхъ бѣды своею беззаконною расправой!

Разинъ.—Прочь, торгаши! Владѣйте вы купцами, а казаками я буду владѣть! Прогнать ихъ вонъ! Я не посла казню!—Надъ отравителемъ чиню я здѣсь расправу, и кончу съ нимъ! Еще его! вотъ такъ! Да не марать надъ нимъ казацкой сабли! Тащите въ воду! Рыбамъ на обѣдъ!

Черноярецъ.—А съ остальными?

Разинъ.—Тѣхъ пока заприте. О многомъ мнѣ ихъ нужно распросить.

Часть толпы тащитъ Евдокимова въ воду, другая прогоняетъ Корнилу Яковлева съ его товарищами

Разинъ.— Пришла пора! Идемте на бояръ! Идемъ на Волгу! Насъ ужъ ждутъ давно, и на Руси вездѣ съ почетомъ встрѣтятъ. Держись бояре! Все припомню вамъ! За все заплатите! Сведемъ концы съ концами, и учинимъ расчетъ кровавый съ вами за все, что накопилося вѣками, за кровь, за потъ, за крѣпостной народъ, который насъ даво къ себѣ зоветъ!... Зоветъ насъ стонъ народный, что съ вѣтромъ ежедневно доносится до нашихъ тихихъ, вольныхъ береговъ! Да зоветъ народъ, кровавыми слезами питающій землю, гдѣ онъ изнываетъ отъ тяжкихъ мукъ и безконечныхъ казней. Да зовутъ всѣ тѣ, кому житья не стало и въ комъ терпѣть—терпѣнья не достало! А вѣдь такихъ не мало на Руси! не богъ холопей сдѣлалъ, но царь съ боярами; а передъ богомъ люди всѣ равны! всѣ одинаково родятся! всѣ умрутъ! всѣ ѣсть хотятъ! и всѣ, пока живутъ, должны быть одинаково свободны! Боярамъ любо, вѣдь на нихъ суда не полагается, они другихъ лишь судятъ, имъ хорошо, а о простомъ народѣ не думаютъ—и вспомнить не хотятъ. Ну, не хотятъ добромъ,

напомнимъ кровью, припомнимъ все—и разомъ порѣшимъ! Когда бояръ я изведу повсюду, когда они исчезнутъ безъ слѣда, тогда замретъ ихъ низкое коварство, и отъ Москвы до всѣхъ окраинъ царства свободной станетъ русская земля! и будетъ знать лишь волю да себя!

Внутренность крестьянской избы. Посреди накрытый длинный столъ, на которомъ богатая серебряная посуда перемѣшана съ простою деревянною. Въ массивныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ горятъ восковыя свѣчи; одна изъ нихъ прилѣплена къ деревянному блюду. Ясная, лунная ночь. Эсаулы ожидаютъ прибытія Разина, который уѣхалъ засвѣтло и велѣлъ ожидать себя къ ужину.

Ларинъ.—Гдѣ-же атаманъ? Пора бы за столъ; Повечерять давно приспѣло время.

Красулинъ.—Не вѣдаемъ. Вѣдь онъ не говоритъ; Гдѣ весело тамъ и сидитъ.

Фролъ Разинъ.—Сказалъ, что будетъ до заката дома и ждать велѣлъ.

Топорокъ.—Куда же-онъ уѣхалъ!

Фролъ Разинъ.—Ишь, больно прытокъ: хочешь все узнать! Ты прослѣди, коль смѣлости найдется, иль самого спроси когда вернется; авось отвѣтитъ.

Топорокъ.—Нѣтъ, не ровенъ часъ! Его спросить языкъ не повернется: своей отвѣтить можно головой.

Ларинъ.—Плохія шутки! Онъ подчасъ сердитъ; То вдругъ помилуетъ, то безъ вины казнитъ. Вотъ и вчера... боярыню убилъ, а дочь—красавицу не тронулъ —пощадилъ.

Топорокъ.—Такъ не заѣхалъ ли теперь, ночной порой, потѣшиться съ красоткой молодой.

Красулинъ.—Нѣтъ, атаманъ женатъ; онъ этого не

любитъ, и бабы никогда не приголубитъ. Лишь разъ одинъ персидская княжна приворожить его съумѣла: полюбилъ! а кончилъ тѣмъ, что въ Волгѣ утопилъ!

Семеновъ—смотритъ въ окно. Пріѣхалъ! Отъ коня такъ паръ столбомъ и валитъ, должно быть верстъ не мало проскакалъ. Входитъ Разинъ.

Разинъ.—Оголодали? Ну, садись за столъ, да набивай голодныя утробы! Идетъ къ столу.

Топорокъ.—въ сторону. Какой сердитый! Долго-ль до бѣды! Держать востро теперь придется ухо!

Всѣ усаживаются за столъ. Казаки вносятъ и ставятъ на столъ деревянныя чашки со щами и кашей. Разинъ ничего не ѣстъ и сидитъ задумавшись; остальные молча ѣдятъ.

Разинъ.—Чтожъ пріумолкли? Съ похоронъ пришли? Иль языковъ съ собой не захватили?

Къ Красулину, подставляя кубокъ. Налей вина! Красулинъ наливаетъ. —Да наливай смѣлѣе! Выпиваетъ залпомъ и задумывается. Входитъ ГОНЕЦЪ, кланяется въ поясъ и останавливается передъ столомъ.

Разинъ.—Откуда ты?

Гонецъ.—Съ поклономъ, атаманъ, отъ эсаула Фролки Черноярца. Велѣлъ тебѣ извѣстье передать, что мы въ субботу бились подъ Саранскомъ и взяли городъ.

Разинъ.—Молодцы! Потомъ?

Гонецъ.—Что было въ немъ подъячихъ да бояръ, всѣхъ порѣшили! Отдохнемъ немного и двинемся потомъ на Алатырь; Тамъ все готово къ нашему приходу.

Разинъ.—Такія вѣсти весело и слушать. Садись за столъ, да наливай вина, и осушай во здравіе до дна.

Гонецъ. —Дай Богъ тебѣ здоровья, атаманъ!

Разинъ.—Эй, Кирилка, пѣсьню! Завѣтную! Про волю! Ну, живѣй!

Кирилка.— Начинаетъ говоркомъ.

Было времячко, время давнее,
Время давнее, время славное;
На Руси жила Воля-Матушка;
Никого она не боялася,
И никто не смѣлъ обижать ее.
Какъ по селамъ, по богатымъ городамъ
Безъ боязни всѣ расхаживали,
Передъ Юрьевымъ, передъ славнымъ вольнымъ днемъ,
Отъ лихихъ бояръ да перехаживали,
Выбирали кто кого хотѣлъ
И служили кому вздумалось.
Не понравится—и не нудятся,
Годъ промаются, годъ потрудятся,
А придетъ пора—не останутся:
Волѣ-Матушкѣ всякъ поклонится
И пойдетъ туда, куда хочется;
Было времячко, время вольное,
Время вольное, переходное.
Но пришла на волюшку невзгодушка,
Юрьевъ день у бѣдной воли отняли
И дѣтей ея, людей свободныхъ,
Въ кабалу по смерть боярамъ отдали.
Съ той поры лихой, Воля-Матушка,
Отъ бояръ ушла во дремучій лѣсъ,
Во сыромъ бору схоронилася,
Съ темной ноченькой породнилася.
Ходитъ по лѣсу, по глухимъ мѣстамъ,
Съ бурей грозною потѣшается,
Съ частымъ дождичкомъ по корнямъ стучитъ,

А въ осенній день, въ непогодушку,
Тянетъ пѣсенку про невзгодушку.
Или по-полю съ вихремъ кружится,
Или по-небу, съ вѣтромъ буйнымъ,
Тучи черныя разгонять учнетъ,
Не мѣшали бы, непроглядныя,
Красну солнышку свѣтить на землю.
А иной порой, залетитъ въ село,
Зашумитъ въ трубѣ, застучитъ въ окно,
И шепнетъ тому, кому надобно,
Кто на барщинѣ отъ работы мретъ:
„Аль забылъ меня крѣпостной народъ!
„Позови, смотри, коль понадоблюсь,
„Коль пора придетъ старый счетъ свести!“
Ходитъ много лѣтъ, не старѣется;
И давно ужъ ждетъ, не пришла-ль пора,
Не отыщется-ль богатырь какой,
И забытую, и заглохшую,
Пуститъ волюшку на крещеный свѣтъ.
И дождалася! Съ Дону тихаго,
Атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ,
Крикнулъ грозный кличъ! гаркнулъ съ посвистомъ
И сошлись къ нему добры молодцы,
Слуги вѣрные Воли-Матушки!
А за ними вслѣдъ и сама она
Долго ждать себя не заставила!
Лишь заслышала—встрепенулася!
Птицей вольною обернулася!
Прилетѣла къ намъ, поселилася,
Добрымъ молодцамъ полюбилася!
Атаманъ ее принялъ съ почестью;

Погулялъ онъ съ ней, понатѣшился,
Перемолвился да условился,
Съ того времени, вмѣстѣ путь держать.
Гдѣ пройдетъ атаманъ, тамъ и волѣ быть!
Мы не воры, не разбойнички,
Атамановы работнички,
Эсауловы помощнички.

Мы весломъ махнемъ—карабли возьмемъ!

Хоръ

Жги!

Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ!

Жги!

А ножемъ махнемъ—всѣхъ бояръ побьемъ!

Жги!

Входитъ 2-й ГОНЕЦЪ.

Разинъ.—Тебѣ что надо?

Гонецъ.—Присланъ!

Разинъ.—Отъ кого?

Гонецъ.—Отъ Харитонова. Велѣлъ тебѣ сказать, что мы идемъ впередъ безъ промедленья; бояръ, какъ лукъ, безъ устали крошимъ и вѣшаемъ подъячихъ по дорогамъ. Крестьяне съ нами. Лишь одно село богатое, сотъ девять или восемь, просило атамана пощадить боярыню съ ея пятью дѣтьми. За то, что, вишь, она крестьянъ любила, была добра, неправды не творила, и обижать не дозволяла ихъ.

Разинъ.—Чтожъ эсаулъ?

Гонецъ.—Сперва-было прикрикнулъ, а послѣ, какъ увидѣлъ, что они взялись за колья, порѣшивши

міромъ стоять на смерть за госпожу свою, и призадумался. Изъ-за одной семьи не захотѣлъ чинить напрасно боя. Онъ собралъ кругъ, созвалъ и сельскихъ старость и порѣшили вмѣстѣ, сообща, отъ міра выборныхъ послать къ тебѣ со мною, тебѣ поклонъ, да просьбу передать и твоего рѣшенья ожидать. Какъ приказать изволишь, такъ и сдѣлать.

Разинъ.—Они съ тобой?

Гонецъ.—Со мною!

Разинъ.—Позови!

Входятъ пять человѣкъ выборныхъ и падаютъ на колѣни.

Выборные.—Помилуй, батюшка, не дай ее обидѣть! Она для насъ какъ мать для всѣхъ была!

Разинъ.—Что, жалко стало! Псы цѣпные! Бабы! Кто васъ не бьетъ, тому молиться рады! ну, за боярыню просить еще пригоже,—а за дѣтей поручитесь вы тоже, что и они, какъ овцы, тихи будутъ, и не замучатъ вашихъ же дѣтей?

Выборные.—Малы еще. Что дастъ Господь, не знаемъ.

Разинъ.—Не знаете, а лѣзете просить; ну, я помилую для васъ, ужъ такъ и быть.—Къ гонцу.—Щенятъ ко дну,—а суку на осину!—Указываетъ на мужиковъ.—Да если только кто изъ нихъ дерзнетъ хоть слово пикнуть,—головы долой! иль вы обабились, да стали сердобольны! иль вамъ не любо! иль не веселитъ смотрѣть на корчи боярскаго отродья! да если кто изъ васъ когда-нибудь хоть годовалаго ребенка пожалѣетъ, такъ я тому на шею, вмѣсто камня, ребенка привяжу—и брошу въ Волгу! Пришла пора. Теперь вы сами баре! Довольно слезъ и крови съ насъ собрали, довольно тѣшились, потѣшьтесь-ка и вы! жги! рѣжь!

топи! сѣки! да вѣшай! не оставлять въ живыхъ ни одного! Я съ корнемъ вырву племя дармоѣдовъ! О! только-бъ мнѣ добраться до Москвы! я наводню ее боярской кровью, рѣкой залью! и на весельной лодкѣ подъѣду съ пѣсьней къ Красному крыльцу; тогда оно не въ шутку будетъ краснымъ! земля вздрогнетъ и море всколыхнется, и даже сводъ небесный пошатнется отъ моего веселья на Москвѣ! Да, будутъ помнить! Вы-жъ, холопы, тѣшьтесь, пока я живъ, да тѣшусь среди васъ. А безъ меня на васъ плоха надежда. На васъ вѣдь стоитъ только громче крикнуть, такъ вы сейчасъ, какъ зайцы по кустамъ, стречка дадите! Нѣтъ! вамъ далеко до вольныхъ казаковъ, которымъ воля дороже жизни, которые, какъ вѣтеръ, гуляютъ тамъ, гдѣ можно разгуляться, и въ кабалу охотой не пойдутъ! Нѣтъ, казака лишь смерть одна, не люди, къ землѣ прикрѣпить! Да и то тогда, какъ рабъ, онъ рыть чужой земли не будетъ! и даже мертвый воли не забудетъ! и чорту душу — съ боя лишь отдастъ!

Довольно бражничать! Я спать хочу; ступайте! съ восходомъ солнца быть готовымъ въ путь. А ты, гонецъ, приказа не забудь!—Всѣ уходятъ.—

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Усадьба князя Долгорукова. На дворѣ разговариваютъ нѣсколько дворовыхъ и дворецкій Спиридонъ.

1-й Ты не слыхалъ, далеко или близко?

2-й А чортъ ихъ знаетъ! Правды не узнать!

3-й Какъ подойдетъ, тогда увидимъ сами.

1-й А только долго намъ не устоять! Какъ нѣтуха подпустятъ, да займется, тогда одно намъ выбирать придется, отъ пули лечь, или отъ огня сгорѣть.

3-й Или двойною смертью умереть.

Спиридонъ.—Холопья рѣчь! О томъ не намъ забота! О томъ боярамъ дѣло разсуждать, а мы должны своими головами за ихъ добро какъ за себя, стоять. И гдѣ прикажутъ, тамъ и умирать.

ЧАСОВОЙ—кричитъ съ вышки.

Бояринъ, князь Андрей Петровичь Сицкій! Съ дружиною,—прикажешь пропустить?

Спиридонъ.—Конечно, олухъ! Отворить ворота! Вотъ намъ и помощь! А за нимъ еще другіе понаѣдутъ; отсидимся, пока на помощь войско подойдетъ.

Уходитъ въ покои.

1-й (въ полголоса) И съ войскомъ вы не долго устоите, когда придетъ нашъ батюшка родной.

Слуги отворяютъ ворота. На дворъ въѣзжаютъ на коняхъ Князь Сицкій съ женою, дѣтьми, съ дружиною боярскихъ дѣтей и нѣсколькими слугами. Изъ дома выходитъ Князь Долгорукій.

Долгорукій.—Поклонъ сердечный дорогому гостю! Благодарю за сдѣланную честь.

Сицкій.— Слѣзаетъ съ лошади и кланяется. Прими и мой поклонъ тебѣ сердечный, мой старый другъ! здоровы ли твои?

Долгорукій.—Здоровы всѣ. Поклонъ тебѣ, княгиня Парасковья! Сойди, голубушка, да поднимись на верхъ; тамъ для тебя съ утра ужъ все готово. Умаялась? Не плачь моя родная, не сокрушайся духомъ. Покорись ты волѣ господа и со смиреньемъ перенеси ниспосланное имъ. Эй бабы! вы боярыню возьмите и бережно подъ ручки отведите въ опочивальню вашей госпожи. Давай сюда и молодцовъ твоихъ: раненько имъ еще верхами ѣздить; устали, чай, дорога не близка. Фадѣевна, бери ихъ по скорѣе, да отнеси къ боярынѣ на верхъ, пусть ихъ накормитъ, спать скорѣй уложитъ и позаботится какъ о родныхъ дѣтяхъ.

Сицкій.—Спасибо, князь, за ласку и привѣтъ.

Долгорукій.—Пустое, князь! и ты бы сдѣлалъ тоже, когда господь меня бы покаралъ. Теперь у насъ пойдетъ скорѣе дѣло: вонъ сколько къ намъ прибыло молодцовъ. Что-жъ вы сидите, гости дорогіе, слѣзайте, въ домъ пожалуйте ко мнѣ и закусите чѣмъ-нибудь съ дороги. Эй, Спиридонъ! распорядись проворнѣй, накрой на столъ, да принеси медку и присмотри, чтобъ былъ во всемъ достатокъ. Прошу покорно. Прежде отдохните, а послѣ обо всемъ поговоримъ.

Голоса.—Спасибо, князь! За ласковый пріемъ, мы службой вѣрной отплатить съумѣемъ, и постоимъ за вотчину твою.—Уходятъ.

Долгорукій.—Ты, Финогенъ, накормишь вѣрныхъ слугъ, да отбери отъ нихъ пожитки княжьи и отнеси къ боярынѣ въ покой.—Слуги уходятъ.

А мы съ тобой, коль не усталъ, бояринъ, присядемъ здѣсь, отвѣдаемъ медку, и не теряя время дорогое о всемъ, какъ слѣдуетъ поговоримъ. Ей, постреленокъ!

нацѣди стопу, да принеси пару фряжскихъ кубковъ и коровай на кухнѣ захвати. Ты выпьешь, князь?

Сицкій.—И спрашивать не нужно: къ твоимъ медамъ всегда охота есть.

Долгорукій.—Тяжелое отъ бога испытанье ты въ эту ночь, бояринъ, перенесъ, пожаръ опасенъ, но въ ночное время онъ хуже всякаго нашествія врага, и велій страхъ вселится въ человѣка, когда огонь его нарушитъ сонъ.

Сицкій.—Сгорѣло все. Должно быть божья воля.

Долгорукій.—А можетъ быть и умыселъ лихой!

Сицкій.—Все можетъ быть! Вчера, въ ночную пору, вдругъ загорѣлось на льняномъ дворѣ; за нимъ гумно, сараи, сѣновалы и охватило разомъ все огнемъ. Былъ сильный вѣтеръ; люди очумѣли внезапно пробужденные отъ сна, пока одумались, да взялись за работу, успѣло все добро мое сгорѣть. Спасли семью, спасли вещей немного, да вывести успѣли лошадей, а остальное все до тла сгорѣло. Сначала я подумалъ, что злодѣи напали на меня въ полночный часъ; но нѣтъ, вокругъ далеко было тихо, и я враговъ нигдѣ не замѣчалъ. Настало утро; собрались мы въ полѣ и стали думать, что намъ предпринять. Отстроить вновь, на то вѣдь нужно время, а на пожарищѣ не долго устоять отъ хищныхъ полчищъ дерзкаго злодѣя, которыхъ надо скоро ожидать. Не знали, что и дѣлать, да спасибо, насъ выручилъ твой милостивый зовъ.

Слуги приносятъ стопу съ медомъ, два кубка и коровай, которые и ставятъ передъ боярами на столъ.

Долгорукій.—Прошу, бояринъ, выкушай медку, да закуси вотъ этимъ караваемъ, который прямо съ пылу принесенъ.

Сицкій.—Спасибо, князь! Съумѣю вѣрной службой за доброту твою я отплатить.

Долгорукій.—Вдвоемъ сильнѣй. Съ твоими молодцами мы смѣло встрѣтимъ дерзкаго врага.

Сицкій.—Довольны будутъ. Я холоповъ не взялъ; на нихъ надежда намъ теперь плоха. Пока молчатъ, а кто за нихъ порукой, что въ часъ удобный насъ не продадутъ. Примѣровъ много. Слышалъ ты, бояринъ, что князя Лыкова замучили свои?

Долгорукій.— Слыхалъ, слыхалъ! Да помянетъ господь его во царствіи своемъ небесномъ. И у меня на дняхъ бѣжало трое; не доглядѣли. Жалко, что ушли, а то бы я надъ ихъ холоньей шкурой ужь показалъ бы остальнымъ примѣръ. Забыли бы не скоро!

По двору проходятъ два юродивыхъ, оба въ монашескихъ рясахъ, подпоясанныхъ веревками.

Долгорукій— къ одному изъ нихъ.—А, блаженный! Давно ль пожаловалъ? Да кто это съ тобой?

Сицкій.—Блаженный Юрій шелъ все время съ нами, а на дорогѣ и другой пристадъ.

Долгорукій.—Другого я не видывалъ доселѣ; теперь нельзя повсюду иха пускать.

Сицкій.—Объ этомъ не заботься: Парасковья ихъ знаетъ всѣхъ, и толковала съ нимъ, и увѣряетъ, что его признала. Ты помнишь, князь, за Шавкинымъ оврагомъ отшельникъ жилъ слѣпой, а съ нимъ подвижникъ, который ей извѣстенъ былъ давно. Вотъ это онъ и есть; отшельникъ умеръ, а онъ покинувъ прежнее житье юродствовать во славу божью началъ; да вѣроятно и у насъ бывалъ.

Долгорукій.—Ну, коли онъ боярынѣ извѣстенъ, пускай живетъ. Къ юродивому, А какъ тебя зовутъ?

Юродивый.—Звали въ мірѣ Фомой, а теперь я на всякое имя христіанское откликаюсь. Много именъ, много и грѣшниковъ; за каждаго молиться надо. Здравствуй боярин, большой человѣкъ! Многаго не задумывай, богу молись.

Долгорукій.—Ступайте въ горницу, прилягьте отдохните, да на молитвѣ вспомните о насъ.

Юродивые уходятъ въ барскіе покои.

Долгорукій.—Не разузналъ ли ты, путемъ, бояринъ, далеко ли отъ насъ теперь злодѣй?

Сицкій.—Навѣрное не знаю, ходятъ слухи что недалеко, а узнать нельзя: кругомъ мятежъ, и много шаекъ бродитъ, и не легко о нихъ разузнавать.

Долгорукій.—Я получилъ цидулку изъ Москвы отъ сына, Юрія,—онъ выбранъ воеводой и къ войску выѣхалъ на Судогду вчера,—онъ пишетъ мнѣ, чтобъ были мы спокойны, что скоро онъ нагрянетъ на врага и разобьетъ его, и овладѣетъ мятежникомъ безумнымъ, и живьемъ его въ Москву, какъ звѣря, предоставитъ: ты знаешь, князь, что сынъ мой на Литвѣ повѣсилъ брата этого злодѣя; ну, такъ и этому теперь не миновать такого же полезнаго примѣра, который слѣдуетъ холопамъ показать. Еще онъ пишетъ, что великій царь освѣдомлялся о моемъ здоровье, и повелѣлъ въ письмѣ мнѣ передать, что онъ зоветъ меня въ Москву, съ семьею, и что теперь въ столь тяжкій, трудный часъ я нуженъ тамъ для пользы и совѣта...

Благодареніе глубокое мое царю великому за дорогую память, да за заботу о своемъ слугѣ! Но только я отъ сюда не уѣду и ужъ скорѣе самъ себя убью,

чѣмъ въ трудный часъ оставлю безъ защиты, наслѣдье предковъ—вотчину свою.

Сицкій.—И я бы не оставилъ; но господь судилъ иначе, и теперь осталось перенести ниспосланное имъ.

Долгорукій.—Съумѣемъ князь отсидѣться здѣсь и дать отпоръ безумному народу, который смѣлъ возстать на насъ теперь. Пускай они своей холопской кровью питаютъ наши тучныя поля. Придетъ пора и снова возвратятся порядки старые, и дѣти станутъ жать то, что взойдетъ на нивѣ плодородной, удобренной тѣлами ихъ отцовъ.

Сицкій.—То время будетъ. Но пока иная пришла пора, и льется наша кровь отъ козней разъяреннаго народа.

Долгорукій.—Пора тяжелая. Поволжскій край охваченъ весь безумнымъ мятежемъ и перешелъ на сторону злодѣя. Дай Богъ скорѣй лишь войску государя въ открытомъ полѣ встрѣтиться съ врагомъ и порѣшить однимъ ударомъ съ тѣми, кто взбунтовалъ безсмысленныхъ рабовъ.

Сицкій.—Скорѣй бы шли. Но если суждено погибнуть намъ не отъ руки злодѣя,—погибнетъ наша кровная семья. Мы не дадимъ холопамъ разъяреннымъ на поруганье женъ и дочерей, своей рукой мы ихъ убьемъ, бояринъ! И наши окровавленные трупы цѣной не легкой отдадимъ врагамъ!

Долгорукій.—Спасибо, князь! И я объ этомъ думалъ, и сдѣлаю, когда нашъ часъ пробьетъ.

Замѣтя конюшаго Тимофея, который проходитъ мимо нихъ по двору.

Что скжешь намъ хорошаго, Тимоша?

Тимофей.—Ходилъ кругомъ, осматривалъ запоры: въ порядкѣ всѣ, ихъ стража бережетъ, и не легко врагу до нихъ добраться.

Долгорукій.—Вотъ этакихъ бы намъ побольше слугъ. Я на него, какъ на себя надѣюсь, и дѣло важное ему препоручилъ. Что, князь, усталъ?

Сицкій.—Да, такъ ко сну и клонитъ: съ полуночи все время на ногахъ.

Долгорукій.—Такъ отдохни: успѣемъ сговориться; вѣдь не сейчасъ нагрянутъ къ намъ враги: успѣемъ приготовиться. Ермолка, холопъ мой вѣрный, посланъ мной съ утра развѣдывать о вражьемъ появленьи, и въ пору насъ успѣетъ упредить. Вѣдь къ намъ въ усадьбу лишь одна дорога, отъ Докучаева, а тамъ не обойдутъ:—Указываетъ на задніе дворы—тамъ крутизна и узкою тропинкой гуськомъ взбираться можно лишь по ней. Пускай пойдутъ: тамъ вѣрный Тимофей однимъ бревномъ ихъ сотни передавитъ.

Сицкій.—Ну, коли такъ, ужъ извини, бояринъ: едва стою, совсѣмъ не держатъ ноги и на лежанку просятся давно.

Долгорукій.—Пойдемъ со мною; отдохни съ дороги, а послѣ потолкуемъ сбо всемъ и пообсудимъ мѣры обороны на случай появленія враговъ.

Уходятъ въ покои.—Тимофей садится на завалинку.

Тимофей.—Надѣйся на Тимошу! ошибешься! дай подойти лишь казакамъ сюда: увидишь самъ, какъ мы тебѣ послужимъ. Эхъ, простъ ты, князь, хоть сѣдиной покрытъ: не тѣмъ путемъ ты вѣрныхъ слугъ добылъ. Ты думаешь что я къ тебѣ привязанъ, что я готовъ костьми лечь за тебя, за что же это? Не

за то ли, полно, что ты замучилъ старика-отца, что наругался ты и опорочилъ на цѣлый вѣкъ мою родную мать, что твой сынокъ, еще щенкомъ паршивымъ мою невѣсту въ горницу сманилъ и съ нею тѣшился. Когда-жъ она пріѣлась, такъ ты меня на ней тогда женилъ, и самъ на свадьбѣ пировалъ со мною, и я-жъ тебя за честь благодарилъ! я вынесъ все, я цѣловалъ вамъ руки и въ ноги кланялся предъ силою смирясь; но затаилъ въ душѣ я тѣ обиды и ни одной изъ нихъ я не позабылъ! И ты меня за ласковость мою, за преданность, своимъ конюшимъ сдѣлалъ, и наградилъ довѣріемъ своимъ, и убѣжденъ въ моей къ тебѣ пріязни. Ошибся, князь! Не долго ждать осталось: настанетъ день и вѣрный Тимофей потѣшится надъ головой твоей и отомститъ тебѣ за все былое, за все что онъ отъ васъ перетерпѣлъ!—Задумывается.—Вотъ братъ не выдержалъ боярскаго привѣта: ушелъ къ татарамъ. Гдѣ-то онъ теперь? Добрался ли до Дона, иль поймали и въ ямѣ страшной гдѣ нибудь сидитъ.

Изъ покоевъ, озираясь и оглядываясь, выходитъ 2-й юродивый.

Тимофей.—Откуда ты, блаженый, появился, какимъ путемъ пожаловалъ сюда?

Юродивый.—Былъ близко, былъ далеко; угодникамъ молился, да не знаю за кого. За однихъ помолишься—другіе отколотятъ, а за обоихъ и Богъ молиться не велѣлъ.

Тимофей.—И за меня, блаженый, помолися!

Юродивый.—А какъ тебя по-христіански звать?

Тимофей.—Звать Тимофеемъ.

Юродивый.—По отцу Петромъ, а мать Анисьею?

Тимофей.—Тебѣ отколь извѣстно?

Юродивый.—А званіемъ конюшій потому, что вѣдь съ родни боярину придешься.

Тимофей.—Почемъ ты знаешь? Или божьимъ даромъ прошедшее открыто предъ тобой?

Юродивый.—Откуда знаю? Только не отъ Бога, а отъ людей; отъ брата твоего, отъ эсаула Федора Яранца.

Тимофей.—Ты знаешь брата?

Юродивый.—Какъ его не знать! Еще вчера бесѣдовалъ со мною; послалъ сюда, велѣлъ тебя сыскать и кой о чемъ потолковать съ тобою.

Тимофей.—Оглядываясь. Тсс... замолчи! Здѣсь говорить нельзя: подслушать могутъ. Сядемъ тамъ, подальше.

Отходятъ и садятся на бревна около глухой стѣны.

Тимофей.—Ну, что мой братъ, здоровъ ли онъ родимый?

Юродивый.—Здоровъ, здоровъ. Позвалъ меня къ себѣ и говоритъ:—Послушай-ка, Еремка, нашъ атаманъ идетъ на Воронки должокъ старинный получить отъ князя; но до него добраться не легко; онъ, говорятъ, собралъ себѣ дружину и крѣпко съ ней засѣлъ въ своей норѣ, а долго съ нимъ возиться намъ не время, такъ ты ступай и ухитрись пробраться къ нему во дворъ; хоть тамъ ты не бывалъ, но способы найдешь, коли захочешь. Тамъ есть у нихъ конюшій, Тимоѳей: ты передай ему поклонъ отъ брата, отъ Федора Яранца, и скажи, что я здоровъ, что время наступило... И если ретивое не забыло про все, что въ жизни вытерпѣть пришлось, такъ пусть онъ насъ

впуститъ во дворъ съумѣетъ и родъ боярскій выдастъ головой.

Тимоѳей.—Да какъ-же ты сюда-то къ намъ пробрался?

Юродивый.—Облекся я въ монашескую ряску, а въ ней вѣдь людямъ пропускъ есть вездѣ, да и пошелъ, дорогой обсуждая, какимъ путемъ въ усадьбу къ вамъ попасть. И долго шелъ. Вдругъ вижу, на дорогѣ, остановился роздыхомъ отрядъ дѣтей боярскихъ; тотчасъ я смекнулъ, прикинулся юродивымъ и смѣло къ нимъ подошелъ. И вижу, на коврѣ сидитъ княгиня Сицкая, а съ нею блаженный Юрка; я не оробѣлъ и прямо обратясь къ княгинѣ, началъ ей говорить блаженныя слова. Она меня выслушала молча, но вглядывалась пристально въ лицо и наконецъ спросила, что не я ли подвижникъ тотъ, который проживалъ на Шавкиномъ оврагѣ въ Чернолѣсьи съ пустынникомъ, блаженнымъ Досифеемъ. Я отвѣчалъ намеками; тогда меня княгиня накормить велѣла. Когда же снова двинулся отрядъ, то я пошелъ за нимъ съ блаженнымъ Юркой и къ вамъ пробрался цѣлъ и невредимъ. Ну, что, повѣрилъ?

Тимофей.—Вѣрю! Ай да парень! Такъ братъ мой живъ и вольнымъ эсауломъ онъ въ войскѣ Разина, и будетъ съ нимъ сюда? Постой, постой! Ажъ захватило духъ отъ этихъ словъ. Настанетъ же минута...

Юродивый.—Перебивая. Нельзя намъ мѣшкать, наши недалеко, теперь, я думаю, до лѣса добрались, и скоро будутъ. Надо поразмыслить и какъ-нибудь сюда ихъ пропустить.

Тимоѳей.—Постой... сейчасъ! Вонъ тамъ, за сѣ-

новаломъ, въ стѣнѣ глухой есть потайная дверь, черезъ нее на рѣку за водой мы по крутой спускаемся горѣ. А вотъ и ключъ, возьми, иди туда и спрячься такъ, чтобы не быть открытымъ. Когда мой братъ съ своими подойдетъ, такъ всѣ бояре будутъ въ этомъ мѣстѣ,—Указываетъ на стѣну у воротъ.—а я ту гору долженъ охранять, и не пускать враговъ по ней взбираться. Я буду тамъ, я вашихъ пропущу, когда-жъ они до двери доберутся, ты отвори—и мы къ своимъ примкнемъ и учинимъ желѣзомъ да огнемъ правдивый судъ надъ родомъ ненавистнымъ. Ступай, скорѣй! Идутъ! Не попадись! Скорѣй, скорѣй!

Юродивый поспѣшно уходитъ. По двору проходятъ пятеро слугъ.

Кому идти на вышку?

Первый.—Чередъ-то мнѣ, да я не гожусь; я плохо вижу и не разсмотрю, пока людей подъ носомъ не примѣчу.

Тимофей.—въ полголоса.—Оно и лучше. Нечего болтать!—Къ первому. Лѣнивъ, такъ сталъ на слѣпоту ссылаться. Пойдемъ, пойдемъ. Отъ службы не уйдешь, а проглядишь, такъ головой отвѣтишь.

Уходитъ съ очереднымъ на вышку; остальные собираются въ кучу у амбара и говорятъ вполголоса.

Первый.—Терпи, ребята! Онъ ужъ не далече; коль не сегодня—завтра налетитъ.

Второй.—А ты откуда знаешь?

Первый.—Вотъ оно! Послушайте! Сегодня мы съ Кузьмой пошли купаться, да идя дорогой заспорили, кому изъ насъ двоихъ удастся рѣку переплыть скорѣе. Попробовали; обогналъ Кузьма, потомъ въ лѣсную чащу забралися, да разлеглися на матушкѣ-землѣ и стали толковать между собою. Вдругъ слы-

шимъ трескъ. Мы испугались сильно, подумали, не лѣзетъ ли медвѣдь, и ужъ хотѣли дать скорѣе тягу, какъ услыхали голосъ, а затѣмъ и человѣкъ изъ-за кустовъ къ намъ вышелъ; одѣтъ монахомъ, съ виду хоть старикъ, но крѣпокъ тѣломъ, и глаза сверкаютъ. Вотъ подошелъ—и началъ насъ корить: „Чего вы дурни перепугались, отъ старика да вздумали бѣжать; иль вы ужъ такъ напуганы неволей, что сучьевъ трескъ на васъ наводитъ страхъ и душу въ пятки тотчасъ загоняетъ. Стыдитесь, братья!“ Мы остановились; онъ приказалъ намъ сѣсть возлѣ себя, и много намъ хорошаго повѣдалъ.

Третій.—О чемъ же съ вами онъ толковалъ?

Первый.—О многомъ, братцы! Только я боюсь сказать вамъ все. Сболтнете, такъ бѣда!

Третій.—Небойся, мы не выдадимъ!

Четвертый.—Вѣдь тоже крестъ святой на шеѣ носимъ.

Первый.—Ну, слушайте. Онъ всѣмъ велѣлъ сказать, что батюшка отъ насъ ужъ недалеко. И скоро будетъ. Что съ несмѣтной силой онъ къ намъ идетъ и насъ освободитъ и всѣхъ, кто чѣмъ-нибудь ему поможетъ, землею надѣлитъ. А тѣхъ изъ насъ, которые рѣшатся ему противиться—безъ жалости побьетъ, и на одной осинѣ съ господами повѣситъ всѣхъ, кого живьемъ возьметъ.

Второй.—Не подсылаютъ ли?

Первый.—И намъ на умъ пришло, и ужъ схватить его хотѣли, но монахъ намъ показалъ съ печатями бумагу, которую самъ батюшка прислалъ. Онъ отдавалъ.

Третій.—А вы ея не взяли?

Первый.—Сначала не рѣшалися, боясь боярскаго допроса, да расправы; а послѣ взяли.

Вынимаетъ изъ-за пазухи бумагу и, оглядываясь во всѣ стороны, осторожно показываетъ ее.

Вотъ она, смотри.

Второй.—Да, это грамота, вонъ и печать большая.

Третій.—А жаль, нельзя ее намъ прочитать.

Четвертый.—Прочтемъ, иль нѣтъ, а все отставить нужно. Когда придетъ да расправляться станетъ, такъ этой грамотой мы оградимъ себя.

Третій.—А все бы лучше, коли прочитали.

Первый.— Да ие зачѣмъ. Ужъ намъ монахъ читалъ.

Второй.—Что-жъ въ ней прописано?

Третій.—Скажи!

Чевертый.—Иль позабыли?

Первый.—Онъ пишетъ въ ней, что насъ онъ не обидитъ. Что онъ идетъ лишь на однихъ бояръ, съ которыми совсѣмъ житья не стало; что съ этихъ поръ мы будемъ всѣ свободны, и ужъ не будетъ больше податей, ни сборовъ, ни приказнаго отродья, что каждый будетъ думать о себѣ, и гдѣ захочетъ, тамъ и поселится; и сколько надобно земли себѣ возьметъ. Что будутъ всѣ равны между собою, и станетъ народъ управлять самъ собой, а не царь, и не воеводы съ ихъ утробой ненасытной. Что съ той поры мы будемъ всѣмъ довольны, и станемъ жить, да наживать добра; но что за то должны и мы отнынѣ ему во всемъ, родному, помогать и за него своими головами на жизнь и смерть противъ царя и бояръ стоять.

Второй.—Хорошее наступитъ, братцы, время.

Третій.—И вѣрно то, что за бояръ стоять, лишь принимать въ чужомъ пиру похмѣлье.

Четвертый.—Вѣдь имъ за жизнь приходится бороться, а намъ-то что?

Второй.—Вѣдь не на насъ идетъ!

Первый.—И ужъ не хуже нынѣшняго будетъ, коль новые порядки заведетъ.

Изъ покоевъ выходитъ князь Долгорукій. Слуги, заслышавъ его шаги, поспѣшно расходятся.

Долгорукій—Теперь у насъ защитниковъ довольно, и не боюсь я вражескихъ затѣй. Не долго имъ потѣшиться придется: Князь Юрій скоро образумитъ ихъ и водворитъ нарушенный порядокъ. Чего хотятъ! Сравняться съ господиномъ, какъ равный съ равнымъ. Княжескимъ родамъ ужъ не желаютъ больше покоряться. Подай имъ волю! Тяжело Москвѣ одной со всѣми нынѣ управляться! Другое дѣло было бы, когда и мы могли бы самовластно княжить по старинѣ въ удѣлахъ родовыхъ. Да, предкамъ нашимъ лучше пала доля: Тѣ были вольны, властію своей умѣли сохранять во всемъ порядокъ и правили не хуже чѣмъ Москва. Мы, Долгорукіе, потомки Мономаха, какъ и Романовы, отъ корня одного, отъ Рюрика вели свой родъ державный, и княжили не хуже чѣмъ они. Была пора! Да Грознаго рука свободу нашу на-смерть задушила, и предъ царемъ поникли мы, и намъ ужъ не вернуть прошедшаго раздолья, какъ не вернуть мнѣ молодость мою и прежнихъ силъ и прежняго здоровья А развѣ лучше стало на Руси? Вонъ поднялось холопское отродье и тоже воли трбуетъ себѣ. Чего хотятъ! Ужъ у меня ли было имъ не привольное, завид-

ное житье! Кормилъ ихъ въ доволь, одѣвалъ тепло, и въ праздники не гналъ ихъ на роботы. Чего-жъ имъ болѣе? Не чувствуютъ, скоты! и все бѣгутъ искать какой то воли.

Караульный—на вышкѣ. Эй, кто тамъ есть! Приди, да посмотри, какая пыль столбами поднялася; Не разберешь: идетъ ли кто, аль нѣтъ!

Долгорукій.—подходитъ къ вышкѣ. Ты что орешь?

Караульный.—Не разберу, бояринъ, идетъ ли кто, за пылью, али нѣтъ.

Долгорукій—поспѣшно входитъ на вышку.— Народъ идетъ...и конные казаки. Звони въ набатъ!

Караульный звонитъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣгаются люди. Изъ покоевъ выбѣгаетъ князь Сицкій, съ боярскими дѣтьми.

Долгорукій—кричитъ. Враги идутъ! Скорѣе по мѣстамъ! Мы, князь, съ тобою станемъ здѣсь, на вышкѣ, твои лѣвѣй, мои займутъ правѣй, а надъ рѣкою вѣрный Тимоѳей съумѣетъ съ дерзкой справиться попыткой, коль на гору задумаютъ полѣзть. Ты, Спиридонъ ступай назадъ къ амбарамъ, и если вспыхнетъ гдѣ пожаръ, такъ тотчасъ же гаси его проворнѣй и на готовѣ бабъ съ водой держи.—къ Сицкому. Иди же, князь.

Всѣ расходятся. Долгорукій, Сицкій и нѣсколько боярскихъ дѣтей остаются на вышкѣ. Остальные располагаются вдоль по стѣнѣ. Нѣсколько человѣкъ поднимаютъ мостъ и поспѣшно заваливаютъ ворота, заранѣе приготовленными бревнами и камнями.

Долгорукій.—Такъ хорошо! Теперь всѣ по мѣстамъ! И жди врага и дѣлай свое дѣло!

Сицкій.—Идутъ, идутъ! А вотъ и казаки, и пушки есть: работы будетъ много!

Долгорукій.—Есть и у насъ!— указываетъ на пушки Вотъ первый нашъ посолъ, а вслѣдъ за нимъ заговo-

Сицкій.—Заряжена?

Долгорукій.—Заряжена съ утра.

Сицкій.—Не нужно тратить безъ толку зарядовъ.

Долгорукій.—Небойся, князь! довольно зерни есть, надолго хватитъ! Слушай, Епанча, ты обойди вдоль по стѣнѣ, до башни, и покажи удалымъ молодцамъ, гдѣ сложены запасы боевые. Кто будетъ раненъ, тѣхъ сносить въ избу, тамъ есть знахарка старая, съумѣетъ она помочь и кровь заговорить.

Сицкій.—И все идутъ, и не видать конца!

Долгорукій.—Не знаю, что случилось съ Ермолаемъ! Неужели и онъ мнѣ измѣнилъ?

Сицкій.—Вонъ казаки какъ близко подъѣзжаютъ.

Долгорукій—кричитъ.—Чего вамъ надо?

Сицкій.—Что-то намъ кричатъ, а разобрать нельзя: не слышно слова.

Долгорукій.—Поподчуйте горохомъ ихъ въ отвѣтъ.

Начинается пальба изъ ружей.

Сицкій.—Еще идутъ!

Долгорукій.—Пусть подойдутъ по ближе, такъ наши ядра ихъ считать начнутъ.

Одинъ изъ боярскихъ дѣтей.—Вонъ полѣвѣй, на бѣломъ прыгунѣ должно быть самъ?

Сицкій.—Должно быть это Стенька! стрѣляй въ него! И кто его убьетъ....

Долгорукій—перебивая.—Тотъ сто рублей, иль вольную получитъ.

Стрѣльба увеличивается. По двору проносятъ раненаго.

Другой изъ боярскихъ дѣтей.—Стрѣлять хотятъ! Вонъ пушку подвезли: разбить ворота видно захотѣли.

Долгорукій.—Начнемъ и мы!—Стрѣляетъ изъ пушки.—

Сицкій.—Немного высоко!

Долгорукій.—Пониже пустимъ. Заряжай живѣе! И изъ другихъ гостинца высылай.

Начинается стрѣльба изъ четырехъ пушекъ.

Одинъ изъ боярскихъ дѣтей.—Попало знатно! въ самую средину! ишь повалились!

Долгорукій.—Выпускай еще!—Стрѣляетъ изъ пушки.

Сицкій.—Вотъ, въ самый разъ! Остановились, шельмы! иль не понравилось?

Долгорукій.—Поподчуемъ еще!

Стрѣляетъ изъ другой пушки.

Сицкій.—Откуда, князь, ты рвы водой наполнилъ.

Долгорукій.—Отвелъ ручей и запрудилъ плотиной, вонъ, въ томъ концѣ.

Сицкій.—Не перешли-бъ по ней?

Долгорукій—Не перейдутъ! тамъ впереди болото, которому и зайца не сдержать,

Одно ядро перелѣтаетъ черезъ стѣну и ударяется въ амбаръ; пробѣгавшія по двору бабы съ визгомъ падаютъ на землю.

Долгорукій.—Ишь, какъ завыли!

Сицкій.—Тронулись опять!

Долгорукій.—Пускай идутъ! Зажглась во мнѣ отвага минувшихъ дней и вспомнилъ я о нихъ, и загорѣлось снова ретивое отвыкшее отъ воинскихъ потѣхъ. Дай руку, князь! И мы въ былое время, съ поганымъ ляхомъ бились, да съ Литвой. Тамъ знаютъ насъ, тамъ не забудутъ люди о нашихъ подвигахъ; а съ этой ордой холоповъ подлыхъ, даже стыдно тратить снаряды воинскіе; жалко отнимать отъ висѣлицы слугъ ея достойныхъ и палача работу исполнять!

Одинъ слуга изъ отряда Тимофея проходитъ по двору и входитъ на вышку.

Долгорукій.—Что, хорошо-ль идетъ у Тимофея, и не видать ли за рѣкой враговъ?

Слуга.—Изъ лѣсу вышло сотни полторы, и переѣхавъ рѣку собрались на берегу, но въ верхъ идти не смѣютъ: боятся видно бревенъ да камней.

Долгорукій.—Тамъ не взойдутъ! А ты скажи Тимошѣ, чтобъ не мѣшалъ онъ подниматься имъ, а послѣ въ пору выпустилъ бы бревна и разомъ всѣхъ отправилъ бы въ рѣку.

Слуга.—Онъ знаетъ самъ! Прислалъ меня сказать, чтобъ ты, бояринъ, былъ за насъ спокоенъ: не пустимъ вороговъ!

Долгорукій.—И здѣсь ихъ отобьемъ! Небось, впередъ не очень-то стремятся.

Сицкій.—На приступъ имъ идти разсчетъ плохой.

Долгорукій.—А иначе до насъ и не добраться.

На заднемъ дворѣ слышенъ шумъ. Затѣмъ на передній дворъ врывается эсаулъ Федоръ Яранецъ съ толпою казаковъ, съ ними и Тимофей съ своимъ отрядомъ.

Долгорукій.—Что тамъ за шумъ? Измѣна! Пропустили! За мной, дѣти! Смерть....

Сбѣгаетъ съ вышки. За нимъ и всѣ бывшіе на стѣнѣ. Схватка.

Тимофей.—Кидается на Долгорукаго и убиваетъ его ножемъ. Вотъ за жену! А вотъ и за родную! За все, что имъ досталось отъ тебя!

Долгорукій.—Падая. Такъ это ты?

Тимофей.—Околѣвай, злодѣй!

Одинъ изъ боярскихъ дѣтей.—Бездѣльникъ подлый!—Убиваетъ Тимофея, но самъ тотчасъ же падаетъ мертвымъ отъ руки казака.

Яранецъ.—За мной ребята! Забирайте пушки! Отваливай живѣе ворота! Впередъ, впередъ!

Повсюду идетъ горячая схватка. Нѣкоторымъ изъ боярскихъ дѣтей съ княземъ Сицкимъ удается пробиться къ хоромамъ; остальные гибнутъ. Казаки поспѣшно отваливаютъ ворота, отворяютъ ихъ и впускаютъ новыя толпы казаковъ. Битва по немногу прекращается; часть толпы стоитъ предъ домомъ, въ которомъ заперся князь Сицкій; остальные грабятъ усадьбу. Въ воротахъ появляется Стенька. Толпа снимаетъ шапки и встрѣчаетъ его радостными криками.

Разинъ—къ Яранцу.—Спасибо, Ѳедька! Гдѣ-же старый князь?

Одинъ изъ слугъ.—А вонъ, лежитъ!

Разинъ.—Убитъ, собака! Жалко!

Становится ногою на голову Долгорукаго.

Не привелось потѣшиться надъ этой сѣдой княжескою головой.—Къ Яранцу.—Покончили?

Яранецъ.—Остались только бабы, да человѣкъ двѣнадцать проскочили и заперлись въ хоромахъ. Не хотятъ живьемъ отдаться.

Разинъ.—Доберемся скоро!

Изъ окна хоромъ раздается выстрѣлъ, пуля пролетаетъ возлѣ Разина и убиваетъ казака.

Такъ вотъ вы гдѣ! Огня сюда! соломы! Запаливай скорѣй со всѣхъ концовъ, и разомъ жги! да въ топоры проклятыхъ, кто вздумаетъ изъ полымя бѣжать!

Со всѣхъ сторонъ приносятъ сѣно, солому и другія горючія вещества, обкладываютъ ими хоромы и зажигаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пламя быстро охватываетъ стѣны. Въ хоромахъ слышны отчаянные вопли, на которые толпа отвѣчаетъ бѣшенымъ хохотомъ и крикомъ. Черезъ нѣсколько минутъ отворяется входная дверь и на порогѣ ея появляется князь Сицкій, съ окровавленнымъ въ родной крови мечемъ. За нимъ восемь боярскихъ дѣтей. Пробѣжавъ, охваченную огнемъ лѣстницу, они бросаются на толпу и падаютъ подъ ея ударами. Изъ верхняго этажа раздаются выстрѣлы и выглядываетъ нѣсколько испуганныхъ лицъ, которыя падаютъ отъ выстрѣловъ казаковъ. Огонь поднимается все выше и выше. На крышѣ появляются двѣ старыя няньки Долгорукаго, держа на рукахъ окровавленные трупы заколотыхъ Сицкимъ дѣтей; съ плачемъ и крикомъ бѣгаютъ онѣ по карнизу, затѣмъ соскакиваютъ на дворъ и попадаютъ на пики казаковъ. Разинъ, опираясь правою ногою на трупъ князя Долгорукаго, любуется на пожаръ.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Изба Разина въ Кагальницкомъ городкѣ. Разинъ сидитъ, задумавшись, у стола.

Разинъ. Не удалось! Пусть пробуетъ другой! Авось другой меня счастливѣе будетъ; а для меня довольно! Были дни, когда я двигался впередъ безъ остановки, когда я шелъ, и все предо мной, какъ передъ бурей безпощадною, бѣжало. Одинъ ударъ!—и все пропало разомъ, и все разсыпалось, и я, какъ старый волкъ, спасаюсь отъ московской лютой своры, гоняющейся по пятамъ за мной. И даже тѣ, которые недавно готовы были на Москву идти, и тѣ теперь противъ меня возстали и перешли къ счастливому врагу. Гдѣ всѣ сподвижники? Ужъ многихъ нѣтъ на свѣтѣ! Все самыхъ преданныхъ, все храбрыхъ и лихихъ, а тѣ, которые теперь со мной остались, другого сорта: вѣрность ихъ до время, и полагаться мнѣ на нихъ нельзя! Разбито все! Московскій воевода былъ поискуснѣе простаго казака. Одинъ ударъ! и все что мной добыто, все разлетѣлось прахомъ, и народа поднять теперь ужъ не въ силахъ я. Когда въ холопскую, забитую душонку вселится страхъ, то съ ней не сговоришь и бодрости въ ней больше не отыщешь. Что дѣлать мнѣ? Въ Черкаскъ ужъ нѣтъ дороги: тамъ миновало времячко мое, и тамъ меня не прежнее житье, а выдача для плахи ожидаетъ. Погибло все! За Волгу, до степей добраться трудно, а кругомъ отряды повсюду рыщутъ. Вѣдь моя башка оцѣнена неслыханной цѣною, и на нее охотниковъ не мало найдется

въ войскѣ русскаго царя. Да и холопы то же не отстанутъ, попробуютъ при случаѣ добыть, и тѣмъ себѣ прощенье испросить въ винѣ большой, что наконецъ рѣшились не гнуть покорно трудовой спины подъ бичъ боярскій и считать посмѣли себя не поганью, а вольными людьми.—Отдамся самъ; не доживу до позора когда меня иль соннаго возьмутъ, иль опоятъ невѣдомымъ дурманомъ и, какъ бревно, врагамъ передадутъ.

Входятъ пять козаковъ.

Разинъ.—Что новаго?

Первый.—Все тѣ же нынѣ вѣсти: кругомъ враги. Корнило съ козаками стоитъ на полдень. Сверху подошли всадниковъ московскихъ сотенъ семь, иль восемь, и нѣту выхода!

Второй.—И помощи не жди.

Третій.—И сдаться добровольно лишь осталось.

Разинъ.—А умереть въ бою съ мечемъ въ рукахъ по-твоему труднѣе, чѣмъ отъ пытки тамъ, на Москвѣ, въ когтяхъ у палача?

Третій.—Всѣхъ не казнятъ. Помилуютъ навѣрно, коль добровольно отдадимся мы.

Разинъ.—Ступайте, коль хотите, покоритесь. Я не держу; я и безъ васъ найду охотниковъ, которые со мною позорному безчестью предпочтутъ лихую смерть на грудѣ вражьихъ тѣлъ, отъ острой сабли, иль далекихъ стрѣлъ иль мѣткой пули вражьяго мушкета.

Третій.—Намъ безъ тебя сдаваться не рука!

Первый.—Насъ и не примутъ; какъ собакъ убьютъ!

Разинъ.—А если я не захочу, такъ какъ же рѣшитесь вы со мною поступить?

Второй—который во время разговора незамѣтно обошелъ Разина и сталъ за нимъ, кидается на него и схватываетъ сзади за руки, стараясь повалить на полъ.

Коль не захочешь, силою возьмемъ! бери его! Вали дружнѣе на земь

Разинъ—мощнымъ движеніемъ рукъ бросаетъ казака на землю, затѣмъ, выхвативъ саблю, разрубаетъ ему голову. Казакъ падаетъ; остальные стоятъ все время неподвижно.

Умри, собака! Иль своею силой ты захотѣлъ помѣриться со мной!—Къ казакамъ. Да я васъ всѣхъ вотъ этой острой саблей въ мельчайшіе кусочки искрошу! Ишь, что задумали!

Первый.—Задумали не мы!

Четвертый.—Задумалъ онъ, а мы бы не рѣшились измѣною тобою овладѣть.

Пятый.—Мы шли сюда просить и знаемъ, что силою тебя не одолѣть.

Первый.—Исходъ одинъ, а головой своею ты можешь много нашихъ уберечь.

Третій.—Мы долго вѣрою тебѣ, Степанъ, служили, теперь и ты намъ службу сослужи, подумай и о насъ. Послушай, батька! повѣрь ты намъ: готовы мы охотно за нашу волю голову сложить; но къ намъ въ Кагальникъ долетѣла вѣсть, что наши дѣти всѣ въ рукахъ Корнилы.

Разинъ.—И вы повѣрили?

Третій.—И вѣрили, и нѣтъ пока сегодня въ томъ не убѣдились.

Разинъ.—Какимъ путемъ?

Третій.—Сейчасъ прислалъ Корнило вѣстовщика съ условіемъ такимъ: что если мы къ закату не сдадимся, такъ онъ на утро выведетъ дѣтей и передъ

нашими глазами ихъ зарѣжетъ, а послѣ доберется и до женъ и разсадивъ ихъ нагишомъ по кольямъ, прикажетъ имъ мужей на помощь звать. Что дѣлать намъ? Ты знаешь, онъ исполнитъ свои слова, погубитъ, какъ сказалъ.

Разинъ—задумывается.—А о моихъ дѣтяхъ упоминалъ?—Казаки молчатъ.—Что жъ, тоже взяты?

Четвертый.—Взяты, говорятъ.

Разинъ.—Гдѣ вѣстовщикъ? Позвать его сюда!

Одинъ изъ казаковъ уходитъ.

Неужели убиты! Коли живы, хоть головой своей, но ихъ спасу!—Входитъ посланецъ.—Ты отъ кого?

Посланецъ.—Отъ атамана, батька, отъ самаго Корнилы.

Разинъ.—А зачѣмъ?

Посланецъ.—Да вотъ велѣлъ тебѣ и всѣмъ сказать, что ваши жены съ малыми дѣтями захвачены и у него въ рукахъ; и если вы сегодня не сдадитесь, такъ онъ на утро съ маленькихъ дѣтей сперва начнетъ, а послѣ поразсадитъ по кольямъ бабъ, и станетъ поджидать не выйдете-ли вы ихъ выручать.

Разинъ.—Мои ребята тоже у него?

Посланецъ.—Всѣ трое, да и Марья вмѣстѣ съ ними.

Разинъ.—И живы?

Посланецъ.—Да, пока еще живутъ, а не сдадитесь—съ нихъ же и начнутъ.

Разинъ.—Кого спасать? себя или дѣтей? себя! Зачѣмъ? Не видно впереди возможности хоть что нибудь поправить: не стоитъ и пытаться. Такъ пожилъ какъ пожилъ я, ужъ не придется больше, а

иначе теперь и жить не стоитъ. Вотъ дѣти, тѣ другое: если въ нихъ такой же духъ, который мной владѣетъ, такъ кто-нибудь изъ нихъ позднѣй съумѣетъ воспользоваться временемъ и вновь начнетъ борьбу, и наконецъ добьется того, за что лилась напрасно кровь, что ихъ отцу не выпало на долю, зе что сложу я голову свою.—Къ посланцу. Ступай къ Корнилѣ и скажи ему, чтобъ былъ готовъ меня сегодня встрѣтить; скажи ему, что я сдаюся самъ, а взять меня, пока я живъ, напрасно онъ покушался подкупать моихъ. Вонъ, посмотри, тотъ подлый, кто дерзнулъ меня схватить, ужъ онъ не встанетъ больше, и никому на свѣтѣ не вернуть однимъ ударомъ отнятую жизнь. Скажи ему, что этотъ негодяй послѣдней жертвою моею будетъ, что съ этихъ поръ вотъ этой острой саблѣ въ моихъ рукахъ въ крови не обагриться, что Разину ужъ не съ кѣмъ больше биться, и я сдаюсь, предоставляя имъ предать меня во вражескія руки. Но не придумать имъ той страшной муки, которая заставила-бъ меня хоть слово крикнуть, чтобъ просить пощады. Скажи, что я сдаюся не ему, а лыцарству казацкому лихому, которое хоть съ нимъ и согласилось но безъ него не скоро бы рѣшилось зарѣзать маленькихъ казачьихъ же дѣтей. Ттупайте всѣ, сбирайтеся къ воротамъ и ждите тамъ; я скоро къ вамъ приду, и ваши головы своею головою, отъ лютой казни я уберегу.

Казаки уходятъ.

Казачій станъ передъ Кагальникомъ. Впереди его, на полѣ, стоитъ большая толпа казаковъ. Передъ ними, въ шагахъ 30-ти, атаманъ Корнило Яковлевъ, съ войсковымъ начальствомъ, съ ними и подъячій, присланный изъ Москвы.

Корнило.—Ну, слава Богу! наконецъ сдается, и кончится съ нимъ смута на Дону. Давно пора!

Первый.—Не обманулъ бы только; а то пожалуй онъ, какъ подойдетъ, да кликнетъ кличъ, и врубится въ толпу, и путь кровавый въ степь себѣ проложитъ.

Второй.—Да и изъ насъ порядочно уложитъ, за то, что мы повѣрили легко.

Корнило.—Нѣтъ, я Степана знаю: онъ своихъ обманывать не станетъ: онъ бы прямо прислалъ сказать, что будетъ воевать, а ужъ теперь, коли рѣшилъ отдаться, такъ сдержитъ слово и отдастся самъ.

Третій.—А если онъ какимъ-нибудь путемъ узналъ, что вся семья его побита, тогда вѣдь онъ захочетъ отомстить и ужъ живымъ не попадется въ руки.

Корнило.—Узнать нельзя, пока о томъ извѣстно лишь намъ однимъ, но надобно, на случай, готовымъ быть; и вы какъ онъ придетъ, вокругъ него сомкнитесь тѣснымъ кругомъ, и наблюдайте зорко. Если-жъ онъ дерзнетъ противиться, такъ вы его сейчасъ же валите на-земь, поскорѣй вяжите и непремѣнно взять живьемъ старайтесь.

Подъячій.—Да, атаманъ, живаго непремѣнно! Вамъ за живаго многое дадутъ. Онъ нуженъ намъ: законную расправу въ Москвѣ надъ нимъ желаютъ учинить.

1-й казакъ.—И мертваго вы съ радостью возьмете.

Подъячій.—Оно хоть такъ, но мертвый не живой и отъ него немногое узнаешь, да и народъ легко не убѣдишь. Начнутся толки; скажутъ: подмѣнили; а тамъ найдется новый сорванецъ, да назовется Разинымъ и снова мятежъ кровавый вспыхнетъ на Руси. Притомъ живаго можно допросить о замыслахъ, да кстати о богатствѣ, которое онъ гдѣ нибудь зарылъ.

3-й казакъ.—Ты о богатствѣ больше и хлопочешь; но вѣдь отъ Разина добьетесь не легко.

Подъячій.—Съумѣемъ выпытать: у насъ такія средства, передъ которыми никто не устоитъ; хоть мертвый будь, и тотъ заговоритъ.

3-й казакъ.—Вы мастера надъ слабыми глумиться и беззащитныхъ мучить, да терзать.

Подъячій. Не мы.. Законъ!

Третій.—А вы ихъ пишите, и такъ строчите, что дѣлаете съ ними, что хотите; и жадный дьякъ у васъ одинъ законъ къ чему угодно безъ труда приложитъ и такъ искусно дѣло поведетъ, что весь барышъ къ себѣ въ карманъ положитъ. Тотъ правъ у васъ, кто больше вамъ даетъ; а тамъ, самъ чортъ, и тотъ не разберетъ, и тотъ откажется отъ вашего закона!

Подъячій.—Ты говоришь пустое, оттого, что ихъ читать тебѣ не приходилось.

Третій.—Читалъ и вѣдаю! Не даромъ я у васъ служилъ въ Москвѣ, и знаю васъ доволно.

Подъячій. Такъ ты изъ бѣглыхъ?

Третій. Много будешь знать скоро состаришься, а ты и такъ не молодъ!

Нѣсколько голосовъ. Идутъ! Идутъ! Вонъ впереди Степанъ, какъ государь въ нарядѣ выступаетъ.

Корнило—подходитъ къ войску—Ну, становитесь полукругомъ. Такъ! И зорко всѣ на Разина смотрите. Возьмемъ его, и завтра же въ Москву мы отвеземъ обѣщанный подарокъ, который намъ достался такъ легко.

Войско становится полукругомъ. Изъ воротъ Кагальника показывается большая толпа оборванныхъ казаковъ; впереди всѣхъ идетъ Разинъ въ своей богатой одеждѣ.

РАЗИНЪ—подойдя къ Корнилѣ, кланяется сперва войску, а потомъ ему. — Здорово, братья! Здравствуй, атаманъ! Вотъ какъ пришлось мнѣ встрѣтиться съ тобою!

Корнило. Что дѣлать, братъ! На все Господня воля! Пришла пора, одумался и ты.

Разинъ. Одумался! Ты думаешь, что я пришелъ сюда съ повинной головою и стану кланяться, какъ баба, да просить, чтобы меня стегать полегче стали. Ошибся, старый! Не въ чемъ мнѣ виниться: въ своихъ дѣлахъ отчета я не дамъ, и толковать о нихъ ни съ кѣмъ не буду.

Корнило.—Только не теперь. Я отошлалъ ихъ дальше. Прежде кончимъ съ твоей сдачей, послѣ васъ сведемъ и повидаетесь, вѣдь времени довольно.

Разинъ.—Бери меня! и выдай головою, какъ жертву нужную московскому царю! Но выдавай не даромъ, съ барышемъ. Да, впрочемъ, ты вѣдь этому ученъ, давно торгуешь, хоть такой товаръ тебѣ мѣнять еще не приходилось. Отдай меня, но съ нихъ за то сдери и денегъ, и оружія для войска, и льготъ побол-

ше требуй съ нихъ теперь. Они тому, кто имъ меня доставитъ, на радостяхъ готовы все отдать.—указывая на подъячаго—Вотъ это сѣмя васъ, всему научитъ, коль развели его вы у себя.—Къ подъячему—Чего оскалился! Теперь пойдешь строчить, да каверзы чернильныя царапать. Хоть много васъ я вывелъ на Руси, но все-таки довольно васъ осталось, и скоро плодитесь. А жаль, что не пришлось до вашихъ гнѣздъ поганыхъ мнѣ добраться: я такъ ихъ вывелъ бы, что съ той поры отъ васъ, лишь память скверная осталась бы на свѣтѣ.—Къ Корнилѣ.—Предай меня! я казни не боюся, я жду ея и къ ней давно готовъ! Пусть потѣшаются, какъ дѣти надо мною, пусть надсѣдаются, пусть все переберутъ, пусть все испробуютъ, но не придумать имъ тѣхъ страшныхъ пытокъ, тѣхъ ужасныхъ казней, какія я придумалъ бы для нихъ!

Корнило.—Смирись, Степанъ! Покайся откровенно въ своихъ грѣхахъ, и тѣмъ себѣ спасенье отъ лютой смерти можешь получить.

Разинъ указывая на своихъ.—Спаси вотъ ихъ! А обо мнѣ не думай! Мнѣ смерть моя предсказана давно и божіей и вражескою силой,—и знаю все, что ждетъ меня въ Москвѣ! Со мной они повозятся довольно: побьютъ, пожарятъ, постругаютъ всласть, и кости поломаютъ, и смолою кипящею все тѣло обольютъ; все перепробуютъ, но не добиться имъ, куда я дѣлъ несмѣтныя богатства, награбленныя мною на Руси! Пусть вытянутъ языкъ, хоть до колѣна, пусть по частямъ отрѣзывать начнутъ, но онъ не выдастъ имъ завѣтной тайны, которая извѣстна только мнѣ! я умереть съумѣю, но съ собою и тайну ту въ могилу уне-

су; и тѣ богатства недоступны будутъ, и перейдутъ не къ палачамъ моимъ, а къ смѣльчакамъ, которые рѣшатся войти туда, гдѣ я свой кладъ зарылъ.

Корнило. Зачѣмъ ему лежать въ землѣ напрасно; отдай ихъ намъ, отдай родному войску, которое...

Разинъ—перебивал.—Меня же выдаетъ! Нѣтъ, атаманъ, не дамъ я этихъ денегъ, чтобы на нихъ торговлю развести. Зачѣмъ вамъ деньги? ихъ у васъ довольно! да за меня получите еще, и изъ рубля, поганою торговлей, вы сотни сдѣлаете и безъ нихъ. Повѣрь, старикъ! Съ моею головою падетъ и вольность войска твоего. Орелъ московскій смотритъ зоркимъ окомъ и добирается давно до казаковъ. Придетъ пора, могучими когтями онъ сдавитъ васъ, и войско не вздохнетъ, и въ батраки къ московскому царю невольно оно, безсильное, на вѣки попадетъ. Живите братья! подъ его крыломъ тепло живется, такъ онъ васъ пригрѣетъ, что ужъ о вашихъ нынѣшнихъ правахъ и заикнуться войско не посмѣетъ! покиньте волю, вѣрную подругу, и величайтесь рабствомъ, какъ заслугой, и повинуйтесь прихотямъ Москвы! Веди меня! я плѣнникъ твой отнынѣ! предай меня! коль слѣдуетъ предать, и поѣзжай со мной полюбоваться, какъ Разина Москва будетъ встрѣчать, какъ будетъ голова моя торчать на острой пикѣ, мертвыми очами глядя на землю, и прощаясь съ вами, и посылая Дону свой поклонъ. Идемъ! Идемъ! Предай меня, предай! и все, что выторгуешь, то и получай!

Уходитъ, окруженный казаками, въ станъ. Войско его остается и сдаетъ свое оружіе казакамъ.

Два старыхъ запорожца.

Первый. Погибнетъ батька [illegible]мукахъ безконечныхъ, не пожалѣютъ нашего отца.

Второй. Но на Руси народъ не позабудетъ—за волю-мать удалаго бойца.

---

*
* *

Есть на Волгѣ утесъ, дикимъ мохомъ обросъ
Онъ съ боковъ отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная.

*
* *

На вершинѣ его не растетъ ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ,
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.

*
* *

Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.

*
* *

И хотя, каждый годъ, по церквямъ на Руси
Человѣка того проклинаютъ,
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ.

[illegible] ночною порой, возвращаясь домой,
[illegible] на утесъ [illegible] взобрался
И, [illegible] лочной [illegible] высокой скалѣ
Та[illegible] до зар[illegible]авался.

* * *

Мн[illegible] въ головѣ ро[illegible]ось у него,
Мн[illegible] въ ту ночь передумалъ,
И [illegible] волны, [illegible] ночной тишины,
Онъ [illegible] задумалъ.

* * *

И задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ,
Онъ на утро съ утеса спустился
И задумалъ идти по другому пути,
И идти на Москву онъ рѣшился.

* * *

Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой, да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю.

* * *

Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожаловалъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ, на конѣ и съ мечемъ,
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачемъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости.

* * *

И Степанъ, будто зналъ, никому не сказзлъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ;
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ.

И понынѣ стоитъ [illegible]съ утесъ, и хранитъ
Онъ завѣтныя ду[illegible] Степана:
И лишь съ Волги [illegible] вспоминаетъ [illegible]
Удалое житье А[illegible]

* * *

Но за то, если [illegible]сть на Руси хоть [illegible]
Кто съ корысть[illegible] житейской не [illegible]
Кто не правдой [illegible]е жилъ, бѣдня[illegible]ъ,
Кто свободу, к[illegible] мечт[illegible]
И во имя ея подня[illegible]

* * *

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

